

НЕ ДОСТИГНУТЬ КООРДИНАТ
«ЧКС»

Ж. СОГОМОВА

18+

Женя Богомолова

Не достигнуть координаты «икс»

«Автор»

2021

Богомолова Ж.

Не достигнуть координаты «икс» / Ж. Богомолова — «Автор»,
2021

ISBN 978-5-532-98522-3

Коул Прэзар скрывает свой талант: он хочет стать режиссёром и снять фильм с Аль Пачино; мигрант из России Виктор Полански, — прирождённый актёр, «гордость школы» Джин Бэттерс сулят блестящее будущее, а Дэниэла Кита называют самым образованным среди учеников. Их объединяет бесперспективный городок Прэтти-Вейст и нескончаемые проблемы взросления: непонимание родителей, потерянности в самоидентификации, унижение окружающих и последняя сигарета в пачке. Найдут ли они в себе смелость вырваться в свет или же умрут под гнётом окружения?

ISBN 978-5-532-98522-3

© Богомолова Ж., 2021

© Автор, 2021

Содержание

О вымыслах и совпадениях: предисловие автора	5
1 глава.	6
A(-04;08)	7
A1(-07;13)	11
A2(04; -11)	14
A3(-04;15)	20
A4(-04;19)	22
2 глава	32
B(-04;29)	33
B1(04;-29)	38
B2(-05;01)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Женя Богомолова

Не достигнуть координаты «икс»

О вымыслах и совпадениях: предисловие автора

Многие персонажи этого романа имеют под собой вполне реальный прототип. История, именуемая как «Не достигнуть координаты «икс»», изначально планировалась как краткий смешной и вымышленный рассказ о том, как я и мальчик, в которого я была влюблена, начали встречаться. Здесь есть герои, чьими прототипами предстали мои друзья и члены моей семьи. Сейчас же, пройдя через процесс взросления автора и его кризис идентичности, нарратив романа стал вообще не об этом. Собственно, и герои никоим образом больше не касаются своих прообразов: роман не отражает моего отношения к окружающим людям, в особенности, к моей семье. «Не достигнуть координаты «икс» – это вымысел, и относиться к нему следует так же.

Вместо постскриптума скажу: эта история не должна нравиться вам лишь потому, что она написана вашей подругой\дочерью\сестрой. Она может вас разочаровать, расстроить или ввести в заблуждение; она трагичная и глупая, и написана автором, потому что она ему нравится. И ещё – эта история трагичная и глупая, как и автор сего произведения.

Приятного чтения и всего наилучшего,
Женя.

1 глава.

Виктор без умолку трещит об этой Джин Бэттерс. Каждую пару по физике, каждую третью сигарету, каждую прогулянную физкультуру он решает скрасить собственной копилкой мифов об этой девчонке.

И он в неё, поверьте, не влюблён.

Я скоро свихнусь с ним.

Джин Бэттерс – нетипичная отличница нашей типичной школы. Её чуть ли не каждый месяц отправляют на международные конференции, вечно хвалят учителя и закидывают предложениями о грантах в лучших университетах США.

Половина моих знакомых её ненавидит.

Завидуют.

Джин Бэттерс можно описать в трёх словах: необщительная, скрытная, асоциальная. У неё нет друзей. После школы она идёт сквозь толпу и с наглым видом прикуривает красное «Мальборо» прямо за воротами.

Многие считают это позёрством.

Некоторые из моих знакомых говорят, что она курит неправильно: не «в затяг», да и фильтр сосёт, как трубочку коктейля. Говорят, что у неё одной и той же пачки хватает на месяц. Говорят, что за поворотом она блюёт от сигаретного дыма и пользуется жвачкой, чтобы родители её не спалили.

Она живёт со мной в одном подъезде – Хаскис-таун, четыре, квартира восемьдесят первая. Я живу на два этажа выше. Мы редко пересекаемся в лифте и иногда здороваемся.

В школе нас сводит целых четыре кабинета в день: классы математики, физики и социальных наук повышенной сложности, а также английский язык бытового уровня. На физкультуру Джин не ходит – по сердечной слабости. Но, если верить Виктору, то прогуливать физкультуру девчонка начала из-за травли в средней школе.

Также, по мнению того же Виктора, Джин Бэттерс к себе ни на метр не подпускает – если твой балл не выше трёх и восьми.

Но я сидел с ней на физике. Она изучала работы по квантовой механике, а я шутил, не приходится ли Шрёдингер ей отцом. А она усмехнулась.

Мой средний балл – три тридцать восемь.

Если честно, когда Виктор рассказывал мне пугающие истории про Джин Бэттерс, я в них не верил. А потом оказалось, что зря.

Ведь в самом страшном мифе Джин Бэттерс живёт.

А(-04;08)

В тот день в школе прорвало трубу, и занятия после обеда решили отменить.

Несмотря на возможность провести внезапно освободившееся время в абсолютно любом месте, все ученики столпились во дворе школы и ещё очень долго не решались разойтись – обсуждали произошедшее. Всем так не терпелось разобраться проблемы отопления, надежды на отмену завтрашних занятий и контрольной по алгебре.

Я не стал исключением.

Парочка моих одноклассников и Виктор Полански, любезно втянувший меня в компанию, бурно дискутировали о марках сигарет. Я не курил уже часов пять, двое приятелей – минут сорок, а Виктор тянул третью сигарету за этот диалог. Предметом нашего обсуждения стали «Марко Поло» за семь баксов, которые я вчера купил Виктору.

– Даже «Филлип Морис» лучше, – сплюнул Виктор. – Чёрт возьми, ещё раз возьмёшь «Марка» – я тебе пепел за шиворот стряхну.

Виктор – мигрант из России. В нашей школе Полански с прошлого года, но он так быстро вжился в нашу компанию, что мы всё время забываем о его национальных странностях: ходить в доме без обуви, приглашать гостей на кухню, а не в гостиную, и его абсолютную неулыбчивость.

Ненависть к дорогим сигаретам из этого же числа.

– Упаси меня Господи от гнева Виктора Полански, – саркастично бросаю я.

– Он тебе не поможет, – фыркает парень.

Мэтт Фриман – светловолосый худой юноша – нагло берёт сигарету из рук Виктора и делает затяг. Виктор возмущается. Андрэ Стюарт, «скинхэд» нашей тусовки, громко усмехается.

Я смотрю на соблазнительную войну взглядов Фримана-Полански и говорю:

– Презервативы не забудьте.

Вдалеке слышится грохот школьных дверей, и Виктор, забирая свою сигарету, замучено затягивается. Стюарт смотрит куда-то за моё плечо и прыскает:

– Чёрт возьми, кто идёт!

Я оборачиваюсь.

Полански прячет пачку «Марка» в карман пальто, Фриман торопливо протягивает всем руки на прощание и пытается скрыться, но Стюарт, явно не разделяя его страха, лишь насмешливо бросает:

– Куда собрался? Сейчас всё самое интересное пропустишь.

В направлении к воротам идёт Джин Бэттерс – всё той же наглой походкой, всё так же наплевательски достаёт пачку «Мальборо» и закуривает прямо во дворе.

Уголки моих губ приподнимаются, и я неосознанно поправляю причёску.

Как в замедленном кадре и неудачном дубле, я приоткрываю рот. Начинается комедийно-романтическое кино. На языке крутится с тысячу вариаций приветствий, испытывающих всю мою оригинальность и опытность, а времени всё меньше и меньше.

Джин уже в пяти метрах от меня.

Я слышу грубый хохоток за спиной.

В двух.

– *Бэттерс*, не переводи товар зря, – с отвращением отпускает Стюарт. – Курить для начала научись.

Внутри меня все сжимается.

Я зависаю с открытым ртом и не могу и слова вымолвить.

Виктор закатывает глаза и понижает тон:

– Стюарт, постыдись на девушку гнать.
Меж тем, Бэттерс тут же реагирует на фразу и оборачивается.
Девчонка затягивается и безразлично пускает:
– Научишь?
Скинхэд ухмыляется.
Бешенством от него веет за километр.
Джин подходит к нам и выжидающе смотрит на Стюарта. Тот немедленно достаёт пачку «Винстона», выуживает одну сигарету и протягивает ей:
– Выкури её за *три* затяга.
Виктор громко испускает русский мат под улюлюканье Фримана.
У меня сбивает дыхание и вздрагивают руки.
– *Стюарт!* – взывает Полански. – *Постыдись! Гнать! На девушку!*
Оба игнорируют его слова. Бэттерс берёт сигарету и прикуривает, делая первый длительный затяг и не сводя глаз со Стюарта. Ухмылка скинхэда дрожит от недовольства, а во взгляде искрится издевательская жажда победы.
– Жвачку дать? – не унимается он. – Или скажешь, что друзья накурили?
Стюарт начинает хохотать и сплёвывает:
– А, да, у тебя же *нет* друзей.
Теперь Виктор в ещё большем бешенстве.
Джин наклоняет голову вбок и, стряхнув пепел, делает второй затяг.
Я чувствую жжение в груди. Дышать тяжело. Я ловлю абсолютно безразличный взгляд Бэттерс, только и думая о том, *для чего ей всё это?*
Виктор мотает головой и цедит сквозь зубы:
– Именно поэтому у тебя нет девушки.
Стюарт продолжает сверлить взглядом отличницу и, громко гоготнув, замечает:
– В разборках у меня не бывает скидки на пол.
Девчонка вскидывает брови и затягивается в третий раз. Стюарт молча наблюдает за её телодвижениями, видимо, ожидая подвоха. Виктор тоже смолк.
Мы все безгласно взглядом провожаем окурок «Винстона», падающий в урну, а Джин выпускает дым в сторону Стюарта.
С долей заигрывания в голосе девчонка спрашивает:
– Доволен?
Скинхэд задумчиво качает головой.
Джин разворачивается и уходит, вновь пропадая в толпе.
Стюарт докуривает остатки своего «Винстона» и провожает девчонку взглядом. Он отводит глаза, бросает сигарету и, сдавленно усмехнувшись, произносит:
– Поди блюет за поворотом.
Виктор закуривает снова.
«Скинхэд» продолжает тараторить что-то дальше о слабом здоровье, присущем каждой девушке в этом мире, и говорит о том, что Джин Бэттерс физически бы не перенесла такого унижения. Её наверняка сейчас тошнит. Его речам внимает Фриман, влюблённо, словно в Иисусий рот, уставившись на лысину своего дружка.
Но Андрэ Стюарт не прав в двух вещах.
Унизили ведь его.
А тошнит теперь меня.
Позади наших спин слышатся чудные голоса высоких красивых девиц из Нильского проспекта – нашей святой тусовки. Их тоненькие, гладкие ручки уже тянутся к нашим шеям, скручивают наши тела в своих жадных сладостных объятиях, а их голоса шепчут наши имена. Но посреди их арий слышится вопль – меня кличет Стюарт:

– Господи, *Прэзар!* – кричит он. – Ты что, за Бэттерс побежал?

За меня ответил Виктор:

– Он единственный достойный мужчина в нашей компании.

Я уверенно бреду к цели через толпы людей, через всяческие преграды, через множество бычков и банок от энергетиков, разбросанных по двору школы. За воротами мелькает фигура в синем пальто – но уже слишком далеко от меня. Поэтому, собрав всю волю в кулак и затаив дыхание, я бегу через цепочки подростков напрямик к ней – фигуре в синем пальто.

Дыхание резко перехватывает.

Я едва ли падаю с ног.

Буквально через тридцать секунд я хлопаю девчонку по плечу и тут же бросаю:

– Дорогая Джин Бэттерс, все парни тупые, не могла бы ты принять извинения от меня и от всего нашего мужского рода?

Джин поворачивает голову в мою сторону и, прищурившись, ухмыляется.

В качестве бонуса я предлагаю ей послушать порнушный стон вместо дыхания.

Курение до добра не доводит.

Мы останавливаемся.

– Привет, Коул, – говорит Джин.

Я непонимающе вскидываю брови.

– Привет, Джин.

Я чувствую, как мои ноги дико подкашиваются, а мне самому хочется провалиться сквозь землю. На моём лице – только глупая улыбка, растянутая до ушей.

Вдалеке слышится писк светофора.

– Ты бежал за мной?

Я безнадежно смотрю на девчонку.

Та вопросительно вскидывает брови и произносит:

– Ты хотел что-то сказать?

Дышать ещё тяжелее.

Я киваю:

– Как дела?

Джин оценивающе смотрит на меня и внезапно, с издёвкой в голосе, протягивает:

– О боже, я, что, сплю? Сам Коул Прэзар за меня переживает?

От этой фразы начинает колоть в груди.

Я выпрямляюсь, поправляю волосы и пытаюсь устоять на ногах.

– Любовь сильная, понимаешь? – говорю я. – Подъезд один, душа тоже. Ты торопишься?

Джин мотает головой.

Я молча достаю пачку несчастного «Поло» и предлагаю девчонке закурить.

Джин отказывается.

– Извини, забыл, – я убираю пачку подальше, вспоминая недавний случай.

– У меня свои, – тут же вставляет Джин.

Она вытаскивает из кармана пальто пачку красного «Мальборо» и показывает мне в ответ.

Только две сигареты.

У меня сводит челюсть от зависти.

Мои любимые.

Я корчу обидчивую мину, а Джин по-детски хихикает.

– Сигарету хочешь? – передразнивает она. – Клас-сика «Мальборо».

Пугающая история от Виктора номер один – гордость школы и пример для подражания Джин Бэттерс курит после школы.

Видимо, частенько курит.

– Тебе не жалко? – неуверенно роняю я. – У тебя же последние.

Либо курить не умеет.

– Последняя у меня только попытка выжить, – тут же отвечает Бэттерс. – Красивым мальчикам стрелять люблю просто.

Я с актерским мастерством хватаюсь за сердце и вздыхаю, не забывая выхватить сигарету из её пачки. Джин с ухмылкой наблюдает, как я нежно придерживаю её презент меж зубов и затем по-идиотски улыбаюсь, глядя на неё.

Как только мы подкуриваем от одной зажигалки, девчонка с подозрением всматривается в экран своего телефона, неожиданно появившийся в её руке. Она успевает сделать пару затягов, потушить сигарету о свои же гриндерсы, выбросить её в урну и горько усмехнуться:

– А теперь я тороплюсь.

Джин протягивает мне руку на прощание, а я её приобнимаю – привычка.

Через несколько минут после расставания мне на телефон приходит смс-сообщение от Виктора со следующим текстом:

«Помнишь, я говорил тебе, что в одном из мифов вы познакомитесь?»

A1(-07;13)

Когда мне было десять, на летние каникулы мама подарила мне велосипед – оранжевый, лакированный, с багажником и звоночком на руле.

Вы бы видели меня десятилетнего – у меня лицо от счастья блестело.

Я гонял на нём каждый день.

При первом серьёзном осмотре мне в голову вдарило, что багажник и рулевую колонку стоит перекрасить в чёрный. Весь следующий день я простоял в подъезде с баллончиком краски и пару раз выслушал замечания от соседей. Зато у меня появился личный гонщик, гроза всего Хаскис-тауна.

Его звали Рэкс.

Дело в том, что в третьем «Форсаже» один из главных героев гонял на «Mazda RX-7» чёрно-оранжевого цвета. Тогда я грезил стать гонщиком. Мои первые скоростные путешествия начались именно с Рэкса – чёрно-оранжевого гоночного велосипеда.

Моя мама работала тогда с одиннадцати утра в ресторане на Нильском проспекте. Этот район находится в двух улицах от нашего, поэтому я, с геройским видом хватая Рэкса, провожал её до работы. Мама целовала меня в щёчку и на прощание всегда говорила:

– До вечера, настоящий мужчина.

Встречать с работы она не позволяла – смена заканчивалась в полночь.

Я смиренно ждал её в спальне и засыпал не укрытый в постели.

В один из июльских будней я, по расписанию, попрощался с мамой у чёрного входа «О’Нилла» и залез на свой байк. День был замечательный: солнце не жарило, южный ветер продувал слегка вспотевшие волосы, а людей на дорогах было мало. Понедельник. Я закрыл глаза и вдохнул воздух, как всегда пахнувший дорогой рыбой и вином.

Я закрыл глаза и представил свой дальнейший маршрут – хотелось, чтобы он отличался от повседневного. Мама всё время идёт на работу через Хаскис-парк, но на обратном пути я встречаю неприятных мальчишек из своей школы. Они всё время хотели украсть мой велик.

Но это *мой* велик!

Открыв глаза, я решил – сегодня поеду через «Пятидесятое» шоссе.

Меня всегда интересовало, почему это шоссе назвали так – «Пятидесятое». Даже если объездить все улицы Прэтти-Вэста, пятьдесят штук не насчитаешь – папа Дэнэла Кита, моего друга, сказал, что их сорок семь. Да и шоссе не могли открыть в пятидесятом году, потому что Прэтти-Вэст существует с шестьдесят второго.

А ещё, когда мне было десять, мы с Китом часто спорили, как правильно говорить – Прэтти-Вэст или Прэтти-Вейст. В качестве аргумента я показывал на таблички с названием города и говорил, что слово «запад» произносится «вэст», потому что наш город расположен на западе. Дэнниэл считал, что наш город – свалка, и поэтому говорил Прэтти-Вейст. Его папа тоже так говорил.

С возрастом Вейст¹ также вжился в мою речь, и я согласился с мнением Кита.

На «Пятидесятом» шоссе можно было лицезреть огромную разницу между двумя соседними районами – Нильским проспектом и Хаскис-тауном.

Стеклянные витрины Нильского приятно поблескивали на солнце; на этих улицах всегда было чисто,людно и шумно. На парковках стояли дорогие машины, начищенные до блеска.

---

¹ Дословно название города Прэтти-Вэст (англ. Pretty-West) переводится как «замечательный запад», но многие его горожане именуют город как Прэтти-Вейст (англ. Pretty-Waste), что означает «милая свалка», и отражает в названии действительность скромного, захламливаемого и совсем не нужного места. – Здесь и далее *примечания автора*.

Тут, по белому тротуару, гордо цокали каблуками немолодые женщины, и их гордо вели под руку немолодые мужчины. Подростков тут было маловато: в принципе, как и в Хаскисе.

Хаскис-таун называют красным пятном Прэтти-Вейста неспроста – все жилые здания здесь построены исключительно из красного кирпича и плотно, строго жмутся друг к другу. Ржавеющие трубы и крыши тут не редкость. Несмотря на отсутствие новых дорог со дня основания района, автомобилей здесь полно. Хаскис – центр автомобильных сервисных услуг.

Я сворачиваю вглубь Хаскиса и еду напрямую к дому. Среди окон на втором этаже я замечаю лицо миссис Кит и активно машу ей рукой. Она смеётся. Я уезжаю со двора и направляюсь к трассе – там был спуск. Я всегда мечтал прокатиться по спуску, но мама запрещала.

Моё время пришло.

Я осмотрел издали, не едут ли машины, и, не заметив ни одной, отошёл назад. Руки крепко схватили руль, глаза сощурились, и я, грозно глядя вперёд, готовился к спуску.

Я мчусь вниз.

Ветер звенит в моих ушах: я не чувствую рук, не чувствую ног, но чувствую, как огонь кипит в крови. Дух захватывает. Педали крутятся по собственной воле, я практически лечу в пространстве, и на моём лице всплывает та самая, любимая тупая улыбка.

А потом в ушах звенит сигнал автомобиля.

На меня едет огромный белый грузовик.

Я тут же хватаюсь за тормоза, сворачиваю к тротуару, но натываюсь на камень в дороге – тело летит в кусты, велосипед остаётся на трассе. Грузовик только тормозит. Я не вижу, что происходит на дороге, но отчётливо слышу, как под большими колёсами что-то продавливается с гадким скрипом.

Мой велосипед!

– Чёртвы дети! – грозно ругается мужчина, выпрыгивая из грузовика. – Все в Хаскисе такие, отбитые. Вот найду тебя и...

Следом за ним выходит второй мужчина, с более человеческим тоном.

– Да пожалей ты его, – говорит тот. – Зато съехать сообразил. Живой, в кустах валяется поди.

– Живым не будет, – не унимается первый. – В тех кустах?

– За убийство сажают. Да, в тех.

Двое мужчин подходят к тем самым кустам, куда меня отправила инерция. Они пытаются найти того самого «отбитого мальчугана из Хаскиса» среди зелёных острых веток, но меня там уже нет.

Мама говорила, что при любой опасности мне нужно тут же бежать до Хаскис-таун, два, к семье Кит.

Я наизусть знаю лишь три номера телефона: свой, мамин и участкового.

Вот тогда я и сидел к Кита дома – зареванный, раненный и испуганный. Миссис Кит успокаивала меня, латала раны, а Дэниэл ставил пластинки и напевал песни «Битлз».

Мама вернулась за мной в шесть – гораздо раньше смены.

Она поблагодарила семью Кит за сохранность своего ребёнка и за руку повела меня домой. Мы молчали всю дорогу. Я тихо плакал и ждал, когда она начнёт меня ругать.

За велосипед.

В итоге я не выдержал и завопил на всю улицу:

– *Я не хотел грохнуть велик!*

Мама с ужасом посмотрела на меня.

На улице никого не было.

Она села на корточки, крепко прижала меня к себе и тихо на ухо прошептала:

– А нужен ли мне этот велик *без тебя*, мышонок?

Когда мы подходили к подъезду, я услышал знакомый голос. Это был тот мужчина – более дипломатичный, пожалевший меня. Он стоял во дворе в клетчатой рубашке вместе с мальчиком-подростком – не сильно старше меня. Подросток держал в руках что-то металлическое, оранжевое.

У меня перехватило дыхание.

– Ваш гонщик? – спросил мужчина у моей мамы.

Она кивнула.

Мужчина протягивает ей руку и продолжает разговор:

– Мы только сегодня заехали. Я Холден Бэттерс, – они жмут друг другу руки, и мужчина показывает на мальчика рядом. – Мой сын Ник. На площадке дочурка бегаёт. А жена в ужасе.

Моя мама смеётся и представляется. Я отчаянно туплю взгляд в ноги и слышу, как взрослые начинают о чём-то говорить.

Надолго.

Я решаю пойти на детскую площадку, к своей новой соседке.

Может, она начнёт ругать меня за велик.

Как оказалось, на площадке никто не бегал: единственная девчонка здесь сидела на лавочке и пялилась в небо, порозовевшее на закате. Ей тоже было десять: волосы светлые, по плечи, на нос сползают очки, а все руки были в чёрных чернилах.

Я подошёл к девчонке, присел на лавочку и тоже задрал голову к небу.

Мы молчали.

Я не знал, сколько времени прошло, и не могу понять до сих пор – ощущение такое, будто целая вечность. Нас обоих окликнули родители, и девчонка обернулась в сторону дома первая. Затем она посмотрела на меня и сказала:

– Мне жаль велик.

Я очень долго смотрел на неё в ответ и не мог и слова произнести.

В итоге я просто протянул ей руку и тихо прошептал:

– Меня Коул зовут.

Девчонка пожала руку и ухмыльнулась:

– Джин Бэттерс.

Следующий велосипед у меня появился в десятом классе – в тот раз он был красным.

Я не стал именовать его, да и гонщиком уже не хотел быть.

Вместо этого я приехал на нём в первый учебный день в старшей школе. У ворот меня ждал повзрослевший Дэниэл Кит. Во дворе школы тусовались повзрослевшие неприятные мне мальчики, которых я так часто видел в Хаскис-парке. Я надеялся, что они забыли меня.

Пока я парковал велосипед у школы, Дэниэл стоял рядом и вёл монолог о гаражном искусстве – он мог долго говорить на такие темы. Затем он неожиданно отвлёкся, важно поднял руку и кивнул.

Я повернулся – мимо нас шла повзрослевшая Джин Бэттерс.

A2(04; -11)

Мой вечер четверга всегда занят.

Еженедельный контроль знаний по физике я заваливаю, а у моего профессора другого свободного времени для школьников нет. Балл по физике у меня ужасный – еле натягиваю на три. Я отчаянно конспектирую лекции под бубнёж Виктора Полански, хожу на все консультации, регулярно пишу домашку, но каждый раз, оказываясь с учебником один на один, засыпаю в его же страницах.

Я поступаю в технический колледж.

Профессор Уольтер, устало натягивая прямоугольные очки на нос, хмуро смотрит в измазанный красной пастой листок и качает головой.

Мой очередной научный провал.

– Давай ты напишешь этот тест ещё раз, – говорит Уольтер деловым тоном, делая ударения на каждое слово. – А я сделаю вид, как будто ты с первого раза его сдал.

Меня всегда удивлял Уольтер.

За его плечами – образование в Кембридже, докторская степень, около десяти лет работы в Британском королевском астрономическом обществе, а сейчас он преподаватель сильных групп по физике в скромной школе скромного города. При этом, в нём нет ни капли тщеславия и самолюбия: он готов вечно заниматься с отстающими учениками, прекрасно понимает подростковые проблемы и заинтересован в моральном состоянии своих студентов.

Его уроки всегда казались мне захватывающими. Уольтер мог великолепно подать материал, ни разу не обратившись к учебнику, и открыто взаимодействовал с учащимися. Иногда мы дискутируем на научно-фантастические темы, а профессор хохочет над нашими теориями и выставляет вполне серьёзные аргументы в свой счёт.

Уроки Уольтера я просто обожаю, но саму физику терпеть не мог.

Я с неуверенностью смотрю на свой тест и спрашиваю:

– Может, я всё-таки тупой?

Профессор недовольно прыскает и говорит:

– Не тупой, а просто неподготовленный, – мужчина встаёт из-за стола и направляется к партам. – Мы проходили это на прошлой неделе. Надо было всего лишь повторить.

Уольтер кладёт новый тест на одну из парт посреди класса и отодвигает стул, выжидающе глядя на меня. Я молча прохожу к предложенному месту, сажусь и неуверенно кладу ручку на стол.

Я отлично понимаю, что не смогу списать.

Пока я читаю первые вопросы в тесте и горю ярим желанием обратиться к интернету, профессор расхаживает между рядами и будто впервые разглядывает класс.

Окна кабинета выходят на запад; обычно, когда я прихожу на исправление оценок, уже начинается садиться солнце, и весь класс залит медовым светом заката. Я подолгу не могу оторваться от такого зрелища. В оконце амперметра бликуют лучи, а на железных чашах весов то и дело скачут рыжеватые полоски. Меня затягивает это на долгие минуты, даже часы.

Наверное, меня просто сильно тошнит от физики.

– Как ты думаешь, – спрашивает Уольтер, стирая мел с доски. – Занятия у профильного литературного класса закончились?

Я отрываю взгляд от блестящего медного оборудования и жму плечами.

– Не знаю, – говорю я. – Виктор сегодня на них не ходил.

Уольтер удивлённо вскидывает брови.

– А для чего они Виктору?

– На актёра учиться хочет, – усмехаюсь я.

Профессор оценивающе кивает головой и продолжает:

– А кем хочешь стать ты?

Я заминаюсь на этом вопросе.

– Не знаю, – мой голос слабеет. – Я бы пошёл учиться на режиссёра.

Уольтер непонимающе смотрит на меня.

Я с горечью улыбаюсь и развожу руками.

– Режиссёрам ведь не нужна физика? – я неуверенно киваю. Профессор усмехается: – Так что ты тут делаешь? Наш драматургический кружок без тебя пустует.

Теперь я мотаю головой.

– Я не пойду учиться на режиссёра.

Я боязливо отвожу взгляд и вздыхаю. Жжёт в груди.

Уольтер мотает головой, подходит ближе и садится за соседнюю парту.

– Ты боишься риска? – вкрадчиво спрашивает профессор.

У меня ужасно горит в груди и сосёт под ложечкой.

Язык не поворачивается и слова сказать.

Я всего лишь жму плечами, отвожу взгляд и туплю его в пол.

– Голливудских критиков боюсь и коллекторов.

И разочаровать свою мать.

Профессор понимающе качает головой.

– Моя мама мне всегда говорила, – Уольтер продолжает говорить пониженным тоном. – «Всегда страшно начинать что-то новое. Не страшно только лежать на диване». И когда я впервые приходил на лекции в новые университеты, школы, вёл открытые уроки, я всегда вспоминал её слова.

Я поджимаю губы.

Странно, что в этих словах самое обидное – правда.

– Я собирался в технический колледж, – говорю я. – Сантехником стану, наверное. По квартирам ходить буду, туалеты чистить.

Уольтер горько усмехается:

– Сантехник? Весьма обнадеживающе.

Я прыскаю в кулак:

– Да в Хаскисе каждый день трубы прорывает! Я так точно разбогатею.

Профессор устало хохочет, хлопает меня по плечу и встаёт из-за парты со словами:

– Ну, что же, золотой сантехник Хаскиса, удачи с физикой. А я до литературного класса и обратно, хорошо?

Я киваю, тупя взгляд в пол.

И снова остаюсь один на один с физикой.

Собравшись с силами, я всё-таки беру ручку и берусь за тест – тема: радиоактивность. Я всё воскресенье собирался посвятить подготовке к тесту, но всё время мне что-то мешало: сообщения в «Директе», вкладка с фильмом в ноутбуке – кстати, я его посмотрел, – и в конечном итоге оказался в доме Виктора за чашкой чёрного чая и стопкой водки.

Если расскажу эту историю Уольтеру, то он, со всей своей светлостью и добротой, вышвырнет меня из класса.

Первые пять вопросов – теория. Я быстро отмечаю ответы наугад и перехожу к письменным заданиям – уже сложнее. Нужно искать элементы альфа-распада и использовать мозг.

Я вздыхаю.

Слышно, как дверь в задней части класса тихо открывается – наверное, Уольтер вернулся. А я так и не списал. Я отчаянно разглядываю таблицу Менделеева в поисках элементов с зарядом семьдесят семь и резко забываю, как обозначают заряд элемента.

Полный провал.

– А если я забыл, как искать элементы по их заряду, вы меня убьёте? – спрашиваю я, не оглядываясь назад.

– По порядковому номеру, – из-за моей спины резко появляются тонкие руки и выхватывают лист с тестом. – Это Иридий, придурок.

Мурашки пробегают по спине.

Позади меня Джин Бэттерс решает мой же тест.

– В тесте три ошибки, – Джин выхватывает ручку из моих пальцев. – Выделяют три вида излучения: альфа, бета и гамма. Альфа-частицы – положительно заряжены, бета – отрицательно. А вот гамму ты угадал.

Я закидываю голову вверх: сосредоточенный взгляд, круглые очки, короткие светлые волосы и бледное лицо. Действительно Джин Бэттерс.

Я внимательно наблюдаю за тем, как она пишет ответы в моем листке и вчитывается в текст заданий. Затем девчонка кладёт тест, берёт в руки мою голову и наклоняет в сторону часов.

– У тебя семь минут, – Джин наклоняется к моему уху. – Уольтер вернется через одну. Перепиши всё на чистовик и выходи на дальнюю лестницу. Меня здесь не было.

Ладони Джин медленно сползают с моего лица, но сама девчонка быстро исчезает. Я оборачиваюсь и слышу лишь «Добрый вечер, профессор!» её издевательски-радостным голосом, а позже в проёме появляется фигура Уольтера.

– Её здесь не было? – спрашивает профессор, ухмыляясь.

Я мотаю головой.

Профессор проходит в кабинет, а я быстро переписываю тест на чистовик – всё, как она сказала. Через три минуты я встаю с места, подхожу к столу Уольтера, а он тут же проверяет мою работу.

– Ни единой ошибки, – замечает профессор и качает головой. – Ты растёшь.

Я глупо улыбаюсь.

Он ставит мне «отлично» и жмёт руку.

Через две минуты я вылетаю из класса и иду к дальней лестнице. Все кабинеты закрываются, учителя уходят в противоположную мне сторону и прощаются со мной. Я киваю головой и с волнением подхожу к лестничной клетке.

– Откуда ты знаешь, что я был на физике? – спрашиваю я, замечая Бэттерс, сидящую на ступеньках.

Она ухмыляется.

– Вы с Виктором вместе домой идёте, – говорит девчонка, приглашая к себе.

Я кидаю рюкзак у перил.

– Вы с Виктором общаетесь? – автоматом вылетает у меня.

– Не особо, – протягивает девчонка. – На уроках о чём-то спорим, иногда через «Директ» переписываемся. В основном, по поводу домашки.

Мы сидим вместе рядом: на одной ступеньке лестницы, в одной скрученной позе. Джин обхватывает колени руками, я повторяю за ней – девчонку забавляет моя карикатура.

Я хмыкаю.

Виктор слишком хорошо её знает. Для одноклассника.

Не мог же он сам придумать эту кучу мифов?

– Как он работает на литературе?

Кажется, Полански – лучшая тема для вечернего разговора.

Джин усмехается:

– Лучше, чем на физике.

Я прыскаю в кулак.

Чёртов гуманитарий.

– Повезло тебе, конечно, с другом, – вдруг замечает девчонка. – Один звонок, и ты уже рекомендован как молодой гений кинематографа.

Я ухмыляюсь.

– К сожалению, они не родственники, – говорю я. – Да и Роман Полански носит в киносообществе псевдоним.

– Ну, тогда Виктор может зарекомендовать себя как дальний родственник, – добавляет Джин. – Снимите какую-нибудь драматичную короткометражку о пропавшем без вести племяннике. А в конце в титрах напишите: «Полански – это псевдоним».

– Плохой из него получится родственник.

– Ты как-то критично относишься к своему другу.

– Имею право, – я улыбаюсь. – Он ни одного фильма Поланского не видел.

Джин шокировано вскидывает брови.

– Какой ужас, – говорит она.

После этого факта я хотел было прекратить с ним общение, но гнев мой быстро ушёл.

Мы с Джин разговаривали дальше.

– А для чего ему класс физики? – заинтересованно произносит девчонка. – Он же на актёра учиться собирается, разве нет?

Я пожимаю плечами.

– Его родители эту затею не одобряют, – я качаю головой. – Говорят: инженерия – будущее.

Джин тянет долгое понимающее «а».

– Менталитет пост-совка? – спрашивает она. Я непонимающе хмурюсь. – Творчество не котируются, с наукой – в учителя, всем технарей и подавай. Типичная ситуация для России.

– Ты когда-нибудь там была? – я поворачиваю лицо к ней. – В России.

Девчонка тут же усмехается.

– У меня из приключений – от Валлбэри-стрит до Хаскиса, – в её голосе прокрадывается нотка сарказма. – Нет. Мы с Виктором про Россию как-то раз говорили. А ещё мой старший брат хорошо знает историю Советского Союза.

Я удивлённо вскидываю брови.

– Хорошо, что он переехал сюда.

Джин слабо улыбается.

Я внимательно разглядываю её тонкие, бледные руки: костяшки в ссадинах, пальцы в пасте гелиевых ручек и цветных маркеров. Сеточка голубых вен иногда пересекается с точками родинок на запястьях.

И едва сдерживаюсь от глупого желания взять её руки в свои.

У меня внутри что-то закололо.

Заноза, наверное.

– А кем хочешь стать ты? – я пытаюсь отвлечься.

Взгляд Джин мимолётно останавливается на мне и тут же соскальзывает к полу.

Она затрудняется ответить.

– Если честно, то... – её локти опираются о колени, а на ладони она кладёт свою голову. – Без малейшего понятия. Не могу толком сказать, что меня больше интересует. Наверное, уже ничего.

Я тяжело вздыхаю.

Девчонка кивает.

– И ты просто посещаешь все предметы? – неуверенно произношу я.

– Надеюсь, что меня хоть что-то заинтересует, – заканчивает она.

Я в замешательстве.

Несколько минут мы молчим.

Джин разглядывает закат за широким окном лестничным клетки, а я – солнечных зайчиков на её щеке.

Передо мной – девчонка с кучей своих секретов и копилкой гадких слухов о ней. Я живу с ней в одном доме около семи лет, но не знаю о ней ровным счётом ничего. Мы знакомы лишь пятнадцать минут, а у меня на языке вертится десятки вопросов: о прошлой школе, о травле, о друзьях и сигаретах.

Но тот ли я человек, которому можно доверить ответы на них?

А могу ли я стать им?

Да и что я получу, задав эти вопросы – подтверждение или опровержение слов Виктора?

Нужно ли это мне?

Я закусываю губы. Нервно протираю кисти.

Джин замечает это и переводит взгляд на меня:

– А тебя хоть что-нибудь интересует?

Чувствуется некое облегчение.

Я глупо улыбаюсь:

– У меня есть что-то по типу хобби, – я замечаю, как Джин увлеченно слушает меня. – Я каждую неделю пересматриваю трансляции «Оскара» разных годов и представляю, как выигрываю в номинации «Лучший режиссёр».

Девчонка удивлённо вскидывает брови.

Я вскакиваю с лестницы и встаю перед ней на две ступени ниже:

– Только представь, – я прокашливаюсь в кулак, пародируя дикторский голос. – Семидесятая премия «Оскар». В номинации «Лучший режиссёр» участвуют: Питер Каттанео, «Мужской стриптиз»...

Я начинаю напевать под нос мелодию, закрывая глаза и качаясь в ритм.

– ...Гас Ван Сент... «Умница Уилл Хантинг»...

Тут я принимаюсь похлопывать руками и чуть посвистывать.

– Кетрис Хэнсон, «Секреты Лос-Анджелеса»...

Я всё также аплодирую, но уже громче.

– Атом Эгоян, «Славное будущее»... и, конечно же, Коул Прэзар, «Титаник».

Я подпрыгиваю на лестнице и хлопаю как можно сильнее – так, что эхо режет уши. Сам себе кричу «Браво, Прэзар!», под хихиканье девчонки. Аплодисменты стихают, я опять напеваю мелодию и кланяюсь залу. Я с волнением распаковываю фантомный конверт, вздыхаю и горделиво произношу:

– Победитель, конечно же, Коул Прэзар.

Джин аплодирует мне.

Я не сдерживаюсь и тут же смеюсь, а потом едва пытаюсь сказать сквозь дикий хохот:

– Я на лицо Кэмерона своё фотошопил, ты бы видела!

Джин ухмыляется:

– Молодой режиссёр? А фильмы покажешь?

Улыбка медленно сползает с моего лица.

Всё веселье быстро испаряется с этого места.

– Единственный фильм, который я снял, – неуверенно бормочу я. Джин чуть наклоняется вперёд. – Называется «История о том, как я ничего не добился».

Я стучу пальцем по виску.

– Он здесь.

Девчонка понимающе хмыкает. Она отводит взгляд.

Я тоже опускаю глаза.

– Говорят, что лучшая киношкола – это кинотеатр, – всё так же слабо продолжаю я. – А ещё камера за тысячу баксов, терпение и вера в самого себя.

Джин горько усмехается, ведёт бровью и кивает.

– Что же мы имеем? – спрашивает она.

– Подписка на «Нетфликс», – важно произношу я.

Мы оба фыркаем.

Наступает неловкая тишина.

У меня возникает острое ощущение, будто со мной не о чем разговаривать.

– Ты не веришь в себя?

Я всё ещё стою напротив девчонки, закрывая собой уходящие лучи солнца в окне. Скоро стемнеет. В Хаскисе будет ещё безлюднее, чем днём.

– Мне кажется, – едва слышно вырывается у меня. – Что в себя трудно верить, если в тебя не верит кто-то ещё.

Джин понимающе качает головой:

– Так подростки и спиваются.

Я ошеломлённо смотрю на неё.

У меня такое странное чувство, будто бы эту фразу Джин говорить *не должна* была.

Но на моём лице неожиданно всплывает ухмылка, и я игриво щурюсь.

Я резко выдаю:

– Не хочешь спиться со мной в следующую пятницу?

Миф о Джин Бэттерс номер восемнадцать: алкогольное общество Джин Бэттерс убивает.

Девчонка ухмыляется:

– Очень хочу.

И она в его *активном поиске*.

A3(-04;15)

Тело стораёт от нетерпения и дикого желания провести с Джин вечер в непривычной обстановке: спить друг друга спиртным и выслушивать спутанные речи о подростковой влюбленности и глупых взрослых.

Мама заметила, что я стал более оживлённым, а количество троек в моем табеле резко уменьшилось. За неделю.

Несмотря на это, дома я меньше сидеть не стал: гонка чая у Виктора дома всё также оставалась неизменной в расписании, да и пропустить с ним парочку сигарет в будние вечерки я ни разу не отказался.

Каким образом я стал лучше учиться?

«Утром домашку делаю».

Моя мама спит до восьми утра как убитая, и моим словам ей пришлось поверить.

В понедельник Виктор мне сказал, что Джин Бэттерс к себе прикасаться не позволяет. Терпеть не может тактильные контакты.

Я подолгу смотрю на неё и надеюсь, что это неправда.

Всю неделю мы обмениваемся с Джин понимающими взглядами в коридоре школы. Я не успеваю с ней даже толком поздороваться: нас разделяют толпой, звонками на урок и бесполезными диалогами. Один раз я ловлю её после уроков, но ей приходится сменить курс на противоположный от дома: курсы по математике.

– Могу проводить, – предлагаю я, совсем забывая, что мне нужно оказаться дома в ближайшие пятнадцать минут.

Джин пожимает плечами.

– Тут только дорогу перейти, – говорит она. – Поговорить толком не успеем.

О, меня поймали.

– Успеем, – тут же отрезаю я. – Если начнём прямо сейчас.

Мы направляемся к ближайшему перекрёстку. Девчонка начинает с расспросов о сегодняшнем дне, а я совершенно забываю, о чём хотел вести речь. В итоге, как только мы оказываемся у дверей колледжа компьютерных наук, я ошарашенно реагирую на её «пока» и чуть ли не хватаю за руку.

Джин говорит, что курсы закончатся в пять.

Я долго пялюсь на дверь перед собой и отвлекаюсь только на вибрацию телефона.

Мне нужно быть дома через шесть минут.

Джин выходит из здания колледжа самая последняя.

Я внимательно изучил всех её сверстников – общительных, задорных и дружных ребят со звонкими голосами и россыпью прыщей, и Джин не похожа ни на одного из них.

– Я не рассчитывала, что ты услышал, – удивлённо произносит она.

Я не спешу ей об этом говорить.

– Я не рассчитывал, что ты меня ждёшь, – слегка усмехаюсь я.

На улице начинает темнеть: фонари на проспектах загораются поочередно, а автомобили рассекают шоссе, мелькая лишь бликами фар и поворотников. Слегка холодает. В воздухе начинают чётче различаться ароматы конкретных мест.

Мы сворачиваем по Нильскому проспекту – вдоль бизнес-центров и дорогих ресторанов. Тут запах свой: под вечер сильнее тянет дорогими сигарами и одеколонами от «Шанель». За окнами тех заведений – надменные взрослые, а на парковках – чуть ли не всех видов иномарки. Но среди этого есть и своя, местная «дурь» – это запах дешёвой краски, которой до абсурда белят здания Нильского почти каждую неделю.

На пересечении Уоллес-стрит и «Пятидесятого» шоссе пахнет булочными и пивом. Иногда – кофе. Интересный аромат. Здесь часто зависает отец Виктора. Отсюда чаще всего приходят городские новости: снова потасовки у кабаков главного шоссе, снова отмечают победу футбольной команды.

Ближе к нашему району аромат резко меняется. Здесь заседают автомобилисты. В воздухе – вечный застой бензина, гарь и дурацкая вонь «Винстона», который я просто терпеть не могу.

Миф о Джин Бэттерс номер семнадцать – она не чувствует запахи.

Джин смешно, когда я ей это рассказываю.

– Серьёзно не чувствуешь? – в сотый раз спрашиваю я, не решаясь поверить.

Джин кивает головой.

– Кофе хочется, – хмыкает она.

За её спиной – кофейня.

Эспрессо тут несёт за километр.

– Действительно? – с издевкой протягиваю я, кивая на заведение.

Девчонка поворачивается и хохочет.

Когда мы стоим у лифта в подъезде, я молюсь, чтобы он сломался. Не имею понятия, зачем. Джин нажимает на кнопку четвертого этажа, а я – шестого. Когда за открывающимися дверьми я замечаю проклятую четверку, девчонка смотрит на меня через плечо и спрашивает:

– На прощание хоть обнимешь?

Я не спешу отказываться.

A4(-04;19)

– У меня курсы по биологии, – сообщает Джин в пятницу после уроков. – До шести. Забыла про них, прости.

Я закусываю губы и туплю взгляд.

Видимо, не получится.

В голове мысли меняются с одной на другую: то ли напиться, то ли запереться дома и не выходить до понедельника. В груди как будто что-то разрывается, падает и стораает: наверное, легкие от дурацких сигарет уже подышают.

– Я не особо понимаю, как добраться до Джефферсон-сити, – девчонка забывает адрес в «карты». – Это вообще где?

Я сразу выпаливаю:

– Можем вместе дойти.

Джин ухмыляется, наклонив голову.

– От Валбэри-стрит переть мили четыре, – замечает она.

– Срежем и будет три, – решительно произношу я, не имея абсолютно никакого понятия, где находится эта Валбэри-стрит.

Девчонка усмехается.

– Отец физических наук, – тянет она.

Мы расстаемся.

На Валбэри-стрит я прибыл ровно в шесть. При виде меня Джин снова искренне и удивленно вскинула брови, видимо, не ожидая вообще увидеть.

Оказалось, медицинский колледж, размещенный по данному адресу, находился всего лишь в пятнадцати минутах от школы. В Джефферсон-сити можно уехать с остановки на Бейкерс, но нужные автобусы приходят раз в час. А мне ещё нужно было заглянуть в ларёк за Хаскис-тауном и, как по традиции, перед многообещающей ночью закупить сигарет.

К ларьку мы пошли напрямую – через Нильский проспект.

По пути я рассказывал Джин о том, куда мы вообще собираемся и стоит ли оно четырёх миль пешком или, если повезет, сорока минутам на автобусе.

Моё мнение: стоит.

Каждую пятницу моя школьная приятельница, на год младше меня, устраивает попойки у себя в квартире. На её вечеринках всегда было приятно побывать: компания состояла из наших ровесников, преимущественно – её друзей, все умели использовать разум и адекватно пить. Мы часто обсуждали какие-то несерьёзные проблемы, покуривали кальян и просто расслаблялись.

А ещё тут из раза в раз появляются красивые свободные девчонки.

– Меня девчонки не интересуют, – Джин закатывает глаза.

Я пожимаю плечами.

– Ну, ещё там много бесплатного алкоголя, – прикуривая, говорю я.

Одной из привлекательных черт попок в Джефферсоне было и то, что мы с их организатором выбирали схожий круг общения. На её тусовках неприятные мне люди были исключены – хотя, было одно сомнительное лицо, но оно редко мелькало на вечеринке, а на меня и вовсе не обращало внимания. На вечеринках Виктора собирался почти весь белый свет – от зубрилок до футболистов из нашей школы, и я никогда не понимал, откуда в квартире Полански столько места.

Странно, что неприятные мне личности резко сделались моими друзьями в старшей школе. Конечно, все изменилось благодаря Виктору Полански и его святому русскому личику. Но я никогда не мог постичь следующей мысли: как девчонки из Нильского проспекта и парни

из футбольной команды, питав ко мне то отвращение, то безразличие в средних классах, резко начали обнимать меня и пожимать руку при встрече.

Кстати о Нильском проспекте и о моей неприязни к его тусовке: признаюсь, не все люди, живущие там, противны мне и не заслуживают моего уважения. Да и не все девчонки, именуемые «тусовкой Нильского», живут там. Но они часто там обитают, в квартирах своих богатых подруг. На Нильском проспекте бедняки не живут, а деньги, как учили меня фильмы о противостоянии бедных и богатых, не делают с людьми ничего хорошего.

Я знаю забавную историю: однажды, в классе десятом, наша пьянка с Виктором чуть не сорвалась – спиртного не нашли. Полански предложил альтернативу: влиться в компанию девчонок из Нильского и выпить с ними. Мы сидели вчетвером в квартире одной из них, перетирали кости учителей и смеялись. Мне было тошно. А потом девчонки принялись поносить Джин Бэттерс. Тогда я ушёл – мама вызвала домой.

Те девчонки до сих пор не знают, что мама тогда вовсе и не звонила.

А я до сих пор не понял, почему я ушёл именно в тот момент.

Теперь эти девчонки смотрят на меня с противоположной стороны улицы в ожидании зелёного и радостно машут рукой.

Потом они замечают Джин Бэттерс рядом со мной и замирают.

– Это наш? – Джин кивает на проезжающий мимо автобус.

Я слежу за ним взглядом и испуганно вскидываю брови.

– *Дерьмо*, – глаза тут же бросаются к счётчику на светофоре.

Ещё тридцать секунд.

– Бежим, – я хватаю Джин за руку и, воспользовавшись пустой дорогой, тут же срываюсь с места. Бэттерс не сразу соображает, но крепче берётся за меня.

Те девчонки из Нильского проспекта, наверное, поняли, почему я тогда сбежал.

Я завожу Джин в квартиру и закрываю за собой дверь. Коридор тускло освещается неоновым комнатных ламп и переkreщивается с жёлтым огнём из кухни, а из гостиной доносится томная успокаивающая мелодия. Слышатся разговоры повсюду, в мрачной гостиной и на яркой кухне: и там, и там уже сидят гости. Запах дыма чертовски одурманивает и кружит голову; на мгновение у меня темнеет в глазах.

Оказавшись на пороге этой квартиры, я выполняю свою еже-пьяничную традицию.

– Одну секунду, – ухмыляюсь я и начинаю рыться в рюкзаке.

Моментально в моих руках оказываются очки с жёлтыми стёклами.

Ещё момент – они на моём лице.

Джин озадаченно улыбается.

За спиной раздаётся насмешливый возглас:

– Они тебе сегодня не пригодятся.

Я оборачиваюсь: в проёме комнатной двери стоит девчонка невысокого роста с колоритной азиатской внешностью. У неё не было типично чёрных волос и смуглой кожи, зато черты её лица были резкими и грубыми.

Она не походила на девочек востока с картинок в «Гугл».

Она вальяжно курила «Лаки Страйк» и рисовала красные стрелки на глазах.

Её звали Розмари Гейз.

Я протягиваю ей ладонь для рукопожатия, как делаю это обычно при встрече.

Хозяйка лишь кивает на Джин и недовольно щурится.

Я буквально читаю её мысли – *спутницу представь, дебил*.

– Джин, знакомься, – я прокашливаюсь. – Это Розмари Гейз. Прямо как в фильме Пол...

– Ро Гейз, – с отвращением поправляет Розмари.

Я хмыкаю:

– Ну да.

Гейз затягивается и бросает на Джин оценивающий взгляд – та отвечает тем же. Розмари хмыкает: она протягивает моей спутнице ладонь и довольно поджимает губы.

– Я на его вкус уже не надеялась, знаешь ли, – замечает Ро.

– Это комплимент? – неуверенно спрашивает Джин.

– Как хочешь.

Розмари уворачивается от моих колких замечаний и пригласительным жестом указывает на просторную гостиную, делая очередной затяг и стряхивая пепел к себе в ноги.

– Располагайтесь, друзья, – девчонка хитро улыбается. – Кальян, виски, табак от «Бонда» до «Кэмэл» и всё, что пожелаете. Меня можно даже не спрашивать – Прэзар тут всё до мелочей знает.

Хозяйка увиливает на кухню и оставляет нас одних.

Джин осматривает тусклый коридор, пока я нагло разглядываю саму девчонку до мельчайших подробностей – лохматые волосы, спущенные очки и родинка на левой скуле. Моя подруга, мягко говоря, в смятении – по её лицу не ясно, рада она знакомству или не особо.

Наверное, она и сама не до конца понимает своих эмоций.

Я предлагаю Джин пройти в гостиную.

Она не отказывается.

В гостиной вокруг большого тёмно-синего кальяна сидит группа подростков, преимущественно на год младше нас. В самом центре – рыжеволосая десятиклассница с громким голосом. Лесли «Тэ-Тэ». Девчонка бурно рассказывает какую-то историю, пускает клубы дыма и успевает выпить бокал вина. Все вокруг тянутся к ней, увлеченно слушают и внимают всем её словам.

Я видел тут всех уже не впервые: это самые близкие друзья самой Гейз. Они не упускают возможности осушить лишнюю бутылочку вина в её доме, притащить с собой своих приятелей, попустить дыму в просторной квартире, а сама хозяйка лишь рада этому – под градусом всё тайное становится явным.

Ро Гейз – глава информационного центра нашей школы.

В компании Гейз я оказался совершенно случайно – на её ноутбуке операционная система, выражаясь простым языком, «полетела», а ей срочно нужна была рабочая техника. Я как раз был рядом. Не скажу, что я прямо-таки гений в компьютерных науках, но людей таких знаю, они прятались со мной в раздевалке вместо пробежек на физкультуре. В их числе был Фриман, и он с радостью переустановил ей «винду», и в качестве благодарности Розмари Гейз позвала меня к себе выпить «вечером», обещая алкоголь на любой вкус.

Я сразу же согласился.

Фримана она не позвала, кстати.

Гейз знала, что я тусовался в различных компаниях и вполне много с кем общался.

Но Гейз не знала одного – у меня ужасная память.

Особенно под градусом.

Мы со спутницей проходим по порочному кругу, ловим приветственные рукопожатия среди сидящих и садимся в укромном месте подальше от выхода. Я замечаю, что Джин не в духе. Я пытаюсь спросить, всё ли в порядке, но в комнате слишком громко спорят подростки.

Гостиная заполнена живой речью «Тэ-тэ».

– Боже-е, она нереально скучная! – «Тэ-тэ» размахивает руками. – Ей кто права химию вести давал? Так она ещё и – о, Прэзар, милый, здравствуй, – и одевается так: лосины, юбочка и каб-лу-ки!

Лесли не упускает из виду новое лицо в компании и удивлённо восклицает:

– Боже мой! Что за малышка в нашей тусе? – рыжая поправляет волосы. – Добрый вечер, милая, я девушка с самым лучшим «Инстаграмом», но уверена, он у вас гораздо лучше.

С первого дня нашего знакомства и до сих пор я не могу точно различать сарказм и полную серьёзность в речи «Тэ-Тэ» и чаще гадаю смысл её слов. Но сейчас, глядя на резко положительный настрой в её ухмылке, я вроде как понимаю, что Джин ей приглянулась.

Бэттерс прыскает:

– Нет, ваш лучше.

Подростки в кругу улюлюкают.

Лесли ошарашенно вскидывает бровь.

– Прэзар, милочка, – тянет она. – Неужели ты научился выбирать девушек?

«Я их особо не выбирал», уже готовлюсь съязвить я, но Лесли опрокидывает очередной бокал вина и продолжает историю.

В меня по очереди стреляют взглядами и колкими замечаниями, и я усердно пытаюсь отвлечься от раздражения. Раньше они себя так не вели. Мне передают трубку кальяна, и я тут же предлагаю её Джин.

Она мотает головой.

Я вскидываю брови.

– Не заходят кальяны, – оправдывается она и трёт пальцем у виска.

Кажется, ей не очень хорошо.

Я уже наклоняюсь к ней, собираясь предложить что-нибудь – в гостиную с грохотом заваливается еще одна фигура. На этот раз мне нет нужды его представлять – Джин в недоумении щурится, указывая на него, а я лишь киваю.

Розмари заходит следом и бьёт высокого кудрявого парня по спине.

– Полански, блин! – ворчит азиатка. – Грёбанный онанист!

Виктор тоже случайно попал в эту компанию.

Флиртывал с Розмари, пока забирал с тусовки в доску пьяного меня.

Полански бежит по кругу под хохот окружающих и приземляется между мной и Джин – меня не замечает. Зато моя спутница тут же бросается ему в глаза, и он, пытаясь отмахнуться от наездов Гейз, заводит с ней диалог.

– Каки-ие лю-юди, – хитро протягивает Полански. Джин ухмыляется. – Какими путями сюда попали?

Девчонка указывает на меня и говорит:

– Его путями.

Виктор удивленно смотрит на меня и горделиво кивает. Его рот открывается с целью пустить подкол, я уже придумываю ответ, но Гейз бьёт Полански по спине.

Тот мычит от боли:

– Прости же меня, милая Ро.

– Тебя и Бог не простит, – ворчит она в ответ. – Даже если ты попросишь прощения через Прэзара.

Виктор сдавленно хохочет.

Гейз приземляется в порочный круг рядом с «Тэ-Тэ». Кто-то из поклонников Лесли приносит бутылку водки, и Виктор, чувствуя аромат родины, деловито тянется к их паре. Полански садится на своё место с довольной миной и бутылкой, а Джин тут же обращается к нему:

– Как Прэзар связан с Богом?

Виктор с таким воодушевлением, с такой радостью выслушивает этот вопрос, что бутылка водки становится для него вещью второго плана – ненадолго, правда.

– Ита-ак, – Полански победно хлопает ладонями. – Пришло время интересный историй.

Юноша оглядывает меня и Джин и как-то резко вскакивает с места.

Бутылку он забирает.

– Садись сюда, – говорит он Джин. – А то я как-то разделил вас, нехорошо.

Девчонка садится поближе ко мне.

Виктор перемещается на её место.

Все в круге резко затихли, ожидая повествования – продолжала играть только музыка. Подростки внимательно наблюдали за телодвижениями будущего рассказчика и терпеливо, с улыбками ждали, когда он заговорит. Они знали историю. Они хотели увидеть реакцию ново-прибывшей.

Неинтересно, по всей видимости, было только Розмари.

Она лишь язвительно выдала:

– Про свои туалетные приключения расскажи.

– Позже! – крикнул в ответ Полански. – Сейчас у нас основы.

– История про Бога – это далеко не основы, – замечаю я.

Я тоже хотел увидеть реакцию Джин.

Виктор тянется за кальяном и долго затягивается, подрывая общественное терпение.

– Да, – Полански выпускает клуб дыма. – Но человек попросил.

– Человек ждёт, – Джин ухмыляется.

Мой русский друг затягивается ещё раз и начинает историю.

– Дело было так, – говорит он. – Этот придурок, – он указывает на меня трубкой кальяна. – Решил попробовать традиционный русский напиток *yorsch*². Но то по-заморски, по-вашему же – водка с пивом.

– Бо-оже, – тянет Джин.

– Он выхлестал всю водку и всё пиво из горла в одно рыло, – продолжает Полански. – Напился, как чёрт. Ушёл курить, а там трещал с кем-то полчаса на улице. Зимой. В своём несчастном худи.

Виктор выпивает немного водки, оттирает лишнее со рта и говорит:

– Привожу его обратно, сюда, – тут он быстренько стреляет сигарету у мальчишки напротив, закуривает и продолжает: – Спрашиваю: «Это что сейчас было, друг мой?». А теперь внимание: с кем Коул Прэзар мог говорить полчаса у подъезда, учитывая, что время за полночь, а зимой особо не гуляют?

Я сдавленно ухмыляюсь.

Весь порочный круг давится диким хохотом.

Виктор чуть наклоняется к соседке и объясняет:

– С Богом, Джин.

Девчонка шокировано вскидывает брови.

Сквозь дрожащую от смеха улыбку я произношу оправдание:

– Он выглядел как Аль Пачино.

– Слышала его? – вскрикивает Полански, отпивая глоток своего напитка. – Он это помнит!

– Я твои русские рецепты пробовать больше не стану, – тут же вставляю я. – Даже не алкогольные. Что мы там готовили?

Подростки в кругу начинают улюлюкать и хохотать.

Виктор судорожно улыбается и пытается выговорить название «того самого» блюда.

Розмари раздражённо прячется в ладонях и цедит:

– Только не э-это.

Лесли, сидящая рядом с ней, громко смеётся:

– Я это помню!

– *Bluni!* – вдруг кричит Полански под общий хохот.

Единственный, кто был способен сдерживать себя в этом комедийном цирке, – это я. Джин лишь непонимающе хмурится и ждёт хотя бы чьего-то краткого ответа.

---

² Слова и фразы, написанные в данном тексте на латинице, являются транслитерацией русской речи Виктора Полански.

Эту великую историю начинаю рассказывать я.

– Джин, – обращаюсь я к девчонке, и она тут же начинает слушать. – Он мне говорит: это как панкейки, только тоньше. У меня крыша поехала – представляешь, *тонкие* панкейки!

– Они мне три сковородки сожгли, – вставляет Гейз.

– Да плохие были сковородки, – тут же бросает Полански в наше оправдание.

– Антипригарное покрытие, Полански, – цедит Гейз.

– Отвратительные сковородки, – я также не остаюсь без комментария.

Розмари хочет сказать что-то ещё, но Виктор прикладывает палец к своим губам и делает длинное, успокаивающее «ш-ш», и та замолкает. Полански довольно кивает и отпивает водку из горла. Гейз смотрит на Джин и язвительно бросает:

– Я надеюсь, ты не спалишь мне хату.

Блок интересных историй заканчивается, и все начинают просто разговаривать друг с другом, на общие темы и разные.

Я всё время наблюдаю за Джин: она внимательно слушает всё, что говорят в компании, и иногда пересекается взглядами с окружающими. Гейз как-то подозрительно косится на ново-прибывшую, когда как Лесли то и дело подмигивает ей, между делом перебрасываясь парочкой комплиментов. Джин лишь прыскает и отводит взгляд.

И всё время кусает губы.

Я выкрадываю момент и тянусь в её сторону – она сразу замечает.

Джин клонится ко мне, а я шепчу ей на ухо:

– Если чувствуешь себя нехорошо, можем уйти.

Она тупит взгляд в пол и сдавленно улыбается.

– Всё нормально, – говорит девчонка.

Я пытаюсь взглянуть в её глаза и отыскать хоть каплю лжи.

Я же прав?

– Точно?

Но Джин лишь кивает.

Вскоре её молчаливость и встревоженность замечает и Полански. Его бутылка водки опустошена, а второй на горизонте не появляется. На удивление, у него не блестит ни в одном глазу. Кальян идёт из рук в руки, Виктор перехватывает очередь и, затягиваясь, обращается к школьной подруге:

– Так, я понимаю, Коул у нас только с Богом разговаривает. Но, мисс Бэттерс, вы-то чего стесняетесь?

Мисс Бэттерс некоторое время мнётся, а затем говорит:

– Своей низкой социализации.

– Вы ей блещете на уроках литературы, – усмехается Полански и кивает в мою сторону. –

Поговори с Коулом. Вы же не молчали весь путь сюда.

Мы переглядываемся.

Темы для разговора резко исчерпаны.

– Для чего тебе очки? – вдруг спрашивает Джин.

Я улыбаюсь.

– Я тоже смотрю на мир сквозь розовые очки, только мои очки называются «френдзона».

– Тогда почему жёлтые? – усмехается подруга.

– Для этого я шутки не придумал, – я перехватываю кальян. – Вообще, это просто очки как у героя из «Страх и ненависть в Лас-Вегасе». Смотрела?

– Кстати, да, – кивает Джин и улыбается.

Оказывается, Виктор подслушивал наш разговор.

– Он в середине вечеринки их теряет, – подмечает он. – Да, Прэзар?

На моём лице растягивается лишь тупая улыбка, а за очками – убийственный взгляд.

Если бы не Джин, Виктору бы влетело.

Меж тем, девчонка недоумённо вскидывает бровь и ждёт объяснений.

Я протягиваю ей трубку кальяна.

– Точно не будешь? – улыбаюсь я.

– Нет, спасибо.

Пока мы с Джин разбирали вопросы моих очков, в порочном кругу развернулся горячий спор, во главе которого, по-прежнему, была живая и яркая Лесли «Тэ-Тэ».

Рыжеволосая Лесли с разъярёнными глазами смотрит на юношу, сидящего поодаль от неё, – это был Чак Тиндер, её сводный брат. У Тиндера было худое, длинное лицо и просто огромные кукольные глаза. Чак мало чем походил на свою сестру: Лесли отличалась своенравностью и некой привлекательностью, тогда как её темноволосый брат закрепил на себе клеймо «вредного мальчика» из информационного клуба.

Их родство – лишь брак родителей.

Но сближало отпрысков-Тиндеров вот что: взаимная подростковая ненависть.

– А какая разница, Чаки, как ты учишься, – их спор для меня начинается с вырванной из контекста реплики Лесли. – Что ты делаешь для школы и города, если грант дадут не тебе, а кому-то из города побольше?

Тиндеров объединяло и общее намерение укатить из Прэтти-Вейста поскорее.

Их, как и всех подростков вокруг, раздражала общая бесперспективность города. Тиндеры – что брат, что сестра, – видели своим дальнейшим планом поступление в университет подальше отсюда. Особых отличий в учёбе они не имели, но один из них рассчитывал свалить в университет по гранту, а вторая – за счёт родителей, так как в честность выдачи «халявы» не верила.

– У кого-то из города «побольше» может быть меньше достижений, чем у меня, – важно произносит Чак. – В том-то и смысл грантовой системы.

– Ча-аки! – издевательски тянет сестра и выпускает клуб дыма. – Сними розовые очки. Кому-то вообще нужны провинциалы?

За конфликтом интересно было наблюдать всем.

Особенно молчаливой Розмари.

– Твоему дружку собирались выплатить грант, – вспоминает юноша. – Забыла?

– Какому дружку?

– Спортсмену.

– Эшу? – Лесли ухмыляется. – Он не мой дружок. Да и родители вложили в его тренировки столько денег, что он мог отучиться уже в пяти университетах.

Внезапно в разговор вливается и Гейз.

Она говорит:

– Да никому эти гранты в нашей школе не светят.

Я мельком бросаю взгляд на свою спутницу.

Её лицо вмиг погрустнело.

Девчонка из порочного круга с короткими чёрными волосами – её имя Пенси, – забирает себе трубку кальяна и тоже врывается в оживлённую дискуссию:

– А у нас разве не учится какая-то сверхумная девчонка? Не помню фамилии.

– Она на физкультуру не ходит, – говорит Энтони Джонс – дружок упомянутого Эша. – Какой ей грант?

– И что? – возмущённо лепечет Пенси. – У неё проблемы со здоровьем. Зато она пишет научные работы по физике, или по математике.

– А Эш чемпионат в Лос-Анджелесе выиграл, – заявляет Джонс. – Ты хоть в курсе, каких трудов это стоит? А эта зубрилка только и делает, что ходит от дома до школы и обратно.

– Ну, может быть.

Виктор заканчивает их спор одной лишь репликой:

– Она здесь, вообще-то.

Все смотрят на Джин.

Она лишь машет рукой в ответ.

Через некоторое время Виктор собирает компанию «подышать свежим воздухом» – то есть, покурить у подъезда, может быть, поболтать с Господом. Компания состоит из Джонса, Пенси и ещё пары-тройки ребят с кухни. Меня с собой не берут, да и я особо не горю желанием идти. Скорее всего, на улице будет дотошный расспрос о том, правда ли Джин Бэттерс сидит рядом с ними и не уйдёт ли она их сегодня ночью.

Постепенно живость Лесли утихает, и она устало приобщается к раскуриванию кальяна. Некурящие ребята тоже собираются в расход – время позднее, с ночёвкой не останутся. Розмари Гейз выходит в коридор и выпускает всех по очереди, провожая недовольным взглядом и нарочито-вежливым «было приятно увидеться» на прощание. Нас резко становится меньше.

Завершив все «выходные» дела, хозяйка квартиры присоединяется к нашему порочному остатку с бутылкой белого вина.

– Это сильнейшие? – усмехается она, оглядывая меня, Джин и Лесли.

Рыжеволосая выпускает клуб дыма и говорит:

– Это чертовски уставшие.

Гейз вскрывает бутылку и ставит рядом с кальяном. Сама хозяйка достаёт сигарету из пачки «Лаки Страйк», прикуривает без излишнего пафоса и делает очень долгий затяг.

– Парни – козлы, – измученно тянет «Тэ-тэ» и переводит взгляд на Джин. – Подожди, ты правда та девочка, которой грант должны выдать?

Моя спутница пожимает плечами.

– Я бы так не сказала, – говорит она. – Но в списках номинантов я есть.

Лесли с сожалением произносит:

– Боже мой! Прости пожалуйста.

– Да забей, – Джин лишь горько усмехается. – Что правда – то правда.

Хозяйка квартиры подозрительно следит за каждым движением новопривывшей.

– Ты же куришь? – спрашивает она, стряхивая пепел.

Джин не сразу понимает, что обращаются к ней.

– Ну, да, – кивает девчонка.

– Ни кальян, ни сигарет не спросила, – хмыкает Розмари и протягивает моей подруге пачку «Лаки Страйк». – Сама скромность.

– Благодарю, – Джин осторожно берёт сигарету и достаёт зажигалку.

Я чувствую бодрящий запах табака и протягиваю руку к пачке Ро, глупо улыбаясь.

– Я тоже прошу.

– Сама наглость, Прэзар, – Гейз скидывает бровь и пачку убирает.

– Одну на двоих? – Джин прикуривает и протягивает зажжённую сигарету к моему лицу.

Я затягиваюсь прямо от её рук.

С первым затягом я познаю полный дзен и самодовольно улыбаюсь.

– За что Полански получил по шее? – спрашивает Лесли, потягивая кальян.

Ро затягивается.

– Маструбировав в туалете, – недовольно отвечает она. – Под *Мусоргского*.

Я начинаю дико хохотать и скромно прикрываю рот рукой.

Я знал, что она явно преувеличивает – для красоты заголовка.

Джин снова протягивает мне сигарету, и мы быстро добиваем её вместе – за пять затягов.

Гейз фыркает и вручает Бэттерс ещё одну сигарету – в подарок.

– Давно куришь? – спрашивает хозяйка.

Джин неуверенно качает головой.

– Полтора года, плюс-минус.

Лесли сдавленно хихикает:

– Так и знала, что в этой Джин Бэттерс есть какой-то подвох!

Джин слабо усмехается и отводит взгляд.

Гейз внимательно осматривает новопривывшую и тушит окурок в пепельнице.

– Все гении имеют свои сумасшедшие секреты, – начинает она. – В чём же суть вашего, мисс Бэттерс?

Джин задумчиво задерживает сигарету у губ и молчит несколько секунд, после чего делает достаточно долгий затяг и отрезает:

– Я не гений, чтобы их иметь.

Ро закатывает глаза.

Ответ её не устраивал.

– И куда же наш «не-гений» собирается поступать? – с издёвкой спрашивает она.

Я замечаю в её взгляде злость.

Джин безынтересно вскидывает бровь.

– В Принстон на факультет математики, – монотонно протягивает девчонка.

Гейз недовольно прыскает.

– Принстон? – переспрашивает хозяйка. – Нужно быть либо самоубийцей, либо гением, чтобы туда поступить.

Бэттерс усмехается:

– Так почему я не могу быть *первым* вариантом?

– Девочки, не ссорьтесь! – пытается перебить их Лесли, размахивая руками. – Коул нужен нам ещё добреньким и весёлым!

Глаза Ро загораются.

Я не успеваю вставить своё слово.

– Первым вариантом? – хозяйка по-змеиному тянется к Джин и чуть ли не клеится к ней.

Джин недоверчиво смотрит на неё и убирает чужие руки с плеч.

– Мне просто повезло, – отрезает она.

Розмари хочет продолжить разговор, но в коридоре раздаётся звук открывающихся дверей и громкое гоготание. Через несколько секунд в гостиную заявляется Виктор и парочка парней, а я замечаю, как Джин хватается за телефон, пытаюсь скрыть волнение.

Я беру её за руку и наклоняюсь к уху.

– Давай сходим за пивом? – шепчу я.

Девчонка тут же отвечает:

– Давай.

Мы быстро выходим из порочного круга и меняем локацию мрачной гостиной на маленькую яркую и свободную от людей кухню.

Окна здесь открыты нараспашку, но, несмотря на это, вонь спиртных напитков, забитых в крохотном холодильнике, толком не выветривается. Этот смрад стоит тут как будто вечность. Я морщусь от перебивки запахов, открываю камеру холодильника и сажусь на корточки в поисках нужной бутылки.

– Хотел бы я сейчас отказаться от обоняния, – раздражённо бросаю я.

Джин стоит позади меня, опираясь на стол руками.

Я не слышу ответа.

– Если хочешь, можем уйти от них, – говорю я ей. – Закроемся в спальне, пообщаемся. Можем стащить алкашку и домой пойти.

Я перебираю десятку разноцветных бутылок и не нахожу ни одной нормальной: в холодильнике Розмари Гейз есть почти все виды высокоградусного алкоголя, но нет пива. С виски

такие вечера, на каком мы находились сейчас, начинать не стоит. Я со злостью запираю холодильник, встаю с корточек и поворачиваюсь к Джин лицом.

Она лишь пожимает плечами.

– Как хочешь, – подавленно произносит девчонка.

Настроение Джин явно испортилось.

Голова начинает кипеть от внезапных желаний: хочется то ли за руки девчонку взять, то ли крепко прижать к себе. Но я успеваю поймать себя на странных мыслях и отключаю все каналы действий, и всего лишь тихо произношу:

– Пива нет.

Джин вскидывает бровь.

– Там же «Гараж» есть, – замечает девчонка.

Я сдавленно смеюсь.

– Ты самоубийца, что ли? – срывается у меня.

И тут же закусываю язык.

Джин закатывает глаза, берёт бутылку «Гаража» из холодильника, выходит в коридор и выпаливает:

– Мне просто *повезло!*

Я завожу девчонку в спальню Гейз – узкую и захламленную комнату, с кучей плакатов и наклеек на стенах. Включается свет: в люстре каждый раз не хватает одной лампочки. Джин проходит к окну, распахивает его и садится чуть ли не на карниз. Я закрываю дверь на замок и бегу к ней.

Рот открывается, но на языке нет подходящего вопроса.

Джин ухватывает шанс столкнуть меня с темы и задаёт вопрос сама:

– Молодой человек, сигареты не найдётся?

Я достаю пачку золотого «Мальборо» и протягиваю девчонке. Она нервно поджигает сигарету и выгоняет дым на улицу. Я прикуриваю от её сигареты, становлюсь у окна рядом с ней и разглядываю ночные улицы полупустого района Джефферсон-сити.

Странное название.

Девчонка смотрит из окна пятого этажа.

– Она эксцентричная, – я пытаюсь развеять напряжение. Джин взглянула на меня, без слов попросив уточнить. – Розмари. Если тебе было неприятно, то...

Я отлично понимаю, что мне нужно было вмешаться в спор.

Комок подступает к горлу.

– Я тоже эксцентричная, – хмыкает Джин. – По-своему. Просто её агрессия направлена на окружающих, а не на саму себя.

У меня нет слов для ответа.

– Но насчёт Принстона она права, – усмехаюсь я. – Туда же сложно поступить.

Девчонка делает последний затяг и выбрасывает сигарету в окно.

Джин поворачивается ко мне всем корпусом тела, наклоняется и серьёзным тоном произносит:

– Так кто же я, Коул? – она делает паузу. – Самоубийца или гений?

Я докуриваю и выбрасываю сигарету следом, усмехаясь.

Меня забавляет словесный каламбур.

– Ты *Джин-ний*³, – с насмешкой произношу я.

Девчонка наклоняет голову вбок и качает головой, ничего не говоря в ответ.

---

³ Имя Джин (Jean) созвучно со словом гений (genius). Смысл шутки Коула в том, что Джин является сама собой и гением одновременно.

2 глава

С каждым разом я всё больше сомневался в том образе Джин Бэттерс, который все общепринято ненавидели.

Асоциальная, скрытная, своенравная, богемная – все эти «плоские» эпитеты были лишь театральщиной, маской, мифом. Джин удачно скрывала свою настоящую натуру за кучей общественных выдумок и не собиралась выкладывать свои козыри на стол.

Но стоило ей только открыть рот, как карты оказывались прямо передо мной.

Каждый человек – чья-то загадка; чей-то роман, запертый в книжном шкафу. Я был неудавшимся детективом Джоан Роулинг, который все расхвалили за имя автора, Виктор – её франшизой. Если так, то Джин – запылившаяся копия «Превращения» Кафки, который не все осмелятся и в руки взять.

У Джин не было красивой рекламной обложки. Все слышаны об уродливом содержании, понятном лишь таким же уродцам, как и сам автор.

Я не был хорошим читателем. Но я хотя бы вытащил Джин с той самой дальней полки, стёр пыль и пытался вникнуть в суть слов.

Джин – сумасшедшая и стремительно бегущая от меня зацепка смысла, ключ от всех тайн романа. Чем дальше я преследовал её по пятам оставленных слов, тем больше завораживался и тем невольнее вздыхал от восторга. Я не мог долго понять той загадки, которую мне давали богемные рассказы Джин Бэттерс, и часто ловил себя только на одной мысли.

Что, если это всё – очередная бессмысленная и грустная история?

В(-04;29)

Помимо физики, я и Джин пересекались на социальных науках профильного уровня.

Виктор эти уроки не посещал – считал, что наш молодой преподаватель, профессор Штенберг, однажды соблазнит его окончательно, и кто-то из них лишится гетеросексуальности. На самом же деле, Полански просто терпеть не может такие скучные термины, как «экономика» и «внутренний валовый продукт».

Я рассматривал социальные науки как возможность отвлечься от ненавистных мне ныне точных дисциплин и лучше разобраться в человеческом обществе. Штенберг часто уходил от темы урока и начинал беседовать с нами о посторонних вещах. Так, мы не единожды обсуждали аресты артистов и наши вкусовые предпочтения, кино и музыку, медийный личностей и школьных профессоров.

Раздражало только одно – многие девчонки приходили сюда исключительно из-за Штенберга: из-за его милой улыбки, из-за пары татуировок на его запястьях и из-за его привлекательной и не особо растущей бороды.

Уроки социальных наук сводили меня с другом детства – Дэниэлом Китом.

Он родился и жил в Хаскис-тауне вместе со мной: мы провели лучшие годы своей молодости в одном дворе и в одной общей истории, главными героями которой сами являлись. Кит был весьма образованным и дружелюбным человеком, но в последнее время он стал закрытым и холодным. В старшей школе мы общались реже – как я слишком сблизился с Виктором, так и Дэниэл слишком отдалился от меня.

Но нас по-прежнему объединяла любовь к олдскулу и фильмам девяностых годов.

Уроки по вторникам обычно проходили в библиотеке, в окружении книжных полок и винтажных ламп. За столы садились по несколько человек: группа «воздыхателей» – за одним, реально заинтересованные люди – за другими.

Мы с Китом сидели вдвоём.

Джин, как и везде, сидела одна – в дальнем углу класса, подальше от людских глаз.

В один из таких вторников, после ланча, меня на урок провожал Полански. Разговор снова начался с Бэттерс, а закончился его шутливым «Здрасьте!» в сторону Штенберга и моим замученным лицом.

Кит уже ждал меня за столом.

– Снова о Джин говорили? – спрашивает он, подавая ладонь для рукопожатия.

Я недоумённо шурюсь.

– С тобой он тоже только о ней трещит? – я задаю вопрос вместо ответа, на что Кит усмехается.

В библиотеку заходит Джин.

– Виктор? – Дэниэл оглядывается на неё. – Это же ты в ней заинтересован?

Я удивлённо вскидываю брови:

– Я?

Кит уже не обращает на меня никакого внимания – корпус его тела повернут в сторону вошедшей одноклассницы, а взгляд не может оторваться от её силуэта. Дэниэл ждёт, когда она его заметит, и, как только девчонка поднимает на него глаза, спрашивает:

– Джин, почему ты вечно сидишь одна? – не дождавшись ответа, Кит хлопает по нашему столу. – Как насчёт того, чтобы присесть с самыми крутыми мальчиками этого класса?

Бэттерс прыскает, закатив глаза.

– О, только не социализация, – говорит она. – Кошмар, не запугивайте.

Кит недовольно мотает головой.

– Рано или поздно, тебе придётся стать социальной, – важным тоном заявляет он. – Я предлагаю начать тебе с хороших людей. И ещё – это желание Прэзара.

У меня спирает дыхание.

На лице Джин появляется лёгкая ухмылка.

– Если это желание Прэзара, я согласна, – она берёт свои вещи и садится рядом со мной.

Кит с довольным видом смотрит на меня.

Я не успеваю его убить – из коридора доносится звонок. В библиотеке тут же появляется фигура Штенберга. Профессор бросает тетради на стол и поворачивается к нам лицом с выжидающим видом.

– Рад вас всех видеть, – полным серьёзности тоном произносит Штенберг.

Мы молча киваем.

Сегодня в его руках – стопка новых, лаконично бликующих книг.

Профессор раздаёт по одной книге на стол и проговаривает:

– Люди живут в мире уже миллионы лет, и всё ещё не научились принимать друг друга.

Книга оказывается и на нашем столе. Первый её берёт Дэниэл. Он оценивающе всматривается в обложку и деловито качает головой. Затем Кит кладёт книгу на стол и поддвигает к нам с Джин.

«Дискриминация и её формы».

– Это тема нашего урока? – спрашивает одна из девчонок за соседним столом, тыкая пальцем в название.

Штенберг кивает.

– Именно, – он продолжает: – Я читал эту книгу в университете и тогда вообще не знал о существовании многих видов дискриминации. Я знал, что быть расистом – плохо, быть сексистом и гомофобом – тоже плохо. Но почему-то угнетение других меньшинств я считал абсолютной нормой.

Кит важно потягивается и затем, чуть наклонившись над столом, говорит:

– Коул, если ты сделаешь каминг-аут, мы не будем тебя угнетать.

Джин прыскает.

Я сдавленно ухмыляюсь:

– Дэниэл, я хочу тебя.

Юноша игриво щурится:

– А я хочу Штенберга.

Меж тем, преподаватель встаёт позади Кита и открывает свой экземпляр книги на страницах содержания.

– Я хочу, чтобы каждая группа взяла на себя по одному виду дискриминации и разобралась с ней, – Штенберг проводит пальцем по заголовкам глав. – А затем представили их всему классу на следующем уроке. Сегодня...

– Хочу половую! – перебивая учителя, выкрикивает кто-то из стола «воздыхательниц».

В помещении резко нарастает шум.

Штенберг тяжело вздыхает, закрывая книгу.

– Работайте, – преподаватель отходит от стола и обращается к нам: – Возьмите эйблизм.

Мы молча переглядываемся и согласно киваем.

За нашим столом провозглашается минута сочувствия Штенбергу.

Я никогда не понимал, почему некоторые люди становятся учителями, если травлю учеников они ставят выше, чем обучение их чему-то новому. Но я отлично понимал Штенберга. Он хотел сделать из нас людей лучших, чем есть он сам. К сожалению, пятилетняя разница в возрасте не сыграла ему на руку, и всерьёз его никто воспринимать не хотел.

Однажды Кит сравнил его с Иисусом, а нас – с неудавшимися апостолами.

Так и получилось поколение Иуд.

Джин берёт книгу и начинает искать заданную тему, шумно перелистывая страницы.
Я открываю «Гугл».

– А что такое эйблизм? – заинтересованно вставляет Кит, подтягиваясь к рабочему процессу.

Девчонка открывает нужный параграф и демонстрирует его напарнику, пальцем проводя по жирному заголовку.

– Дискриминация по инвалидности и особенностям здоровья, – поясняет она. – Психически неуравновешенных в большей степени.

Дэниэл непонимающе хмурится.

– А их как-то дискриминируют? – спрашивает он.

Джин посылает ответный вопрос:

– А им как-то помогают?

Кит откидывается на спинку стула и задумчиво смотрит на свои наручные часы с разбитым стеклом.

– Ну, смотри, – Дэниэл выставляет ладонь перед девчонкой и принимается загибать пальцы. – Социальное обеспечение по инвалидности – раз, социальное обеспечение по безработице – два. Чем не помощь?

Джин вскидывает брови.

– Ты считаешь, денежное обеспечение – это всё, что нужно таким людям? – Бэттерс берёт его руку и так же загибает пальцы. – Травля, ущемление прав, отказ в оказании помощи, недееспособность граждан...

Кит мотает головой:

– Тише ты, – юноша берёт её руку в свои. – Мы же пытаемся с этим справиться. Деинституционализацией⁴ психиатрии, к примеру.

Девчонка прыскает:

– Уменьшение количества больничных коек привело к массовой бездомности, бездумным арестам и халатности лечения.

– Не во всех штатах, – говорит Кит.

– Но во многих из них.

Дэниэл задумчиво хмыкает.

– И что же нам тогда делать с психически больными?

Девчонка трёт пальцем у виска.

– Начать хотя бы с дестигматизации, – заявляет она. – Люди стыдятся рассказать о своём недуге даже близким – не то, что обратиться к врачу.

Кит внимательно вслушивается в её слова.

Джин продолжает:

– В последствии, многие люди с любым из психических отклонений оказываются ущемлены в своих же правах на работу, образование и нормальную жизнь.

Юноша ждёт конца её речи и сразу задаёт вопрос:

– Каким образом работодатель должен брать человека с психическим недугом?

– Хм, не знаю, – тут же язвит Джин. – По компетенции?

Киту этот аргумент не кажется убедительным.

– Разве психическое отклонение не мешает больному работать?

Девчонка жмёт плечами:

---

⁴ Деинституционализация психиатрии – процесс реформирования психиатрической службы, начавшийся в ряде западных стран в 50-х годах XX века. Заключается в широкомасштабном сокращении числа психиатрических коек и психиатрических больниц с параллельным развитием различных форм внебольничной помощи психически больным, выписываемым из психиатрических стационаров. Это должно предотвратить развитие у пациентов «госпитализма», ущемление их прав и отрыв от общества.

- Хорошего программиста возьмут на работу, если у него хронические спазмы?
- Это немного другое, – замечает Дэниэл.
- Смотря о каком заболевании мы ведём речь.

На лице Джин медленно расплывается ехидная улыбка.

Дэниэл складывает ладони под своими губами и, задумавшись, взводит взгляд к потолку.

Бэттерс подпирает щеку кулаком и с нетерпением ждёт продолжения разговора.

Спустя минуту, Кит выдает:

- Шизофрения?

Девчонка усмехается:

- Шизофреник на работу не пойдёт. Бери ниже.
- Биполярное расстройство?
- Если пациент находится на постоянном лечении, его можно взять.

Кит одобрительно кивает.

– Проблема в том, – продолжает Бэттерс. Дэниэл заинтересованно всматривается в глаза собеседницы. – Что многие психически больные не могут получить даже школьное образование. Нормальные люди отказываются с ними учиться и работать.

Джин закатывает глаза:

- *Боятся.*

Дэниэл возмущённо щурится.

- Никого даже не интересует, каким расстройством болен студент?

Девчонка мотает головой.

– Но ведь не все психические расстройства общественно опасны, – Кит удивлённо вскидывает брови. – Аутизм, к примеру. Аутист кому-то принесёт вред?

Джин наклоняет голову.

– Главное – факт пребывания в психдиспансере, – поясняет она. – Психопат ты или просто в депрессии – никого это особо не волнует.

- Вся стигматизация рождается из дезинформированности, – Кит качает головой.

- Совершенно верно, – Джин ухмыляется.

Юноша устало вздыхает, а девчонка лишь сочувственно кивает.

Кит отрешенно смотрит вдаль, анализируя полученную информацию. Джин лишь опускает взгляд и бегло, будто для галочки, прочитывает первые слова статьи в книге, пытаясь скрыть отчаяние.

Дэниэл в недоумении.

– Почему, – начинает он. Девчонка поднимает глаза. – Никто не распространяет достоверную информацию о психически больных? Те же психиатры?

На лице Джин появляются слабые черты горьковатой улыбки.

– Табуированная тема, – говорит она. – Психиатрия начала адекватно развиваться только в последнем столетии. Даже в двадцатом веке отношение к психически больным было в тысячу раз бесчеловечнее, чем сейчас.

Девчонка отводит взгляд.

– Да и, к тому же, – её тон совсем понижается. – Сами психиатры толком не информированы и относятся к больным гораздо хуже, чем общество.

Кит шокировано уставляется на неё:

- *Серьёзно?*

– Результаты социального опроса, – Джин кивает. – Большой процент психиатров отказывается работать с пациентами с острыми типами заболеваний.

- Чёрт возьми, – выпаливает парень.

- Такова реальность.

Дэниэл переводит взгляд с девчонки на меня и спрашивает:

– Коул, каково же твоё отношение к данной проблеме?

Я устало улыбаюсь.

Как же мне признаться в том, что я абсолютно в ней не разбираюсь?

– Коул должен сказать: «Это скользкая тема, я не собираюсь её обсуждать»⁵, – усмехается

Джин, бросая на меня игривый взгляд.

С каждой её репликой в глазах Кита всё больше и больше удивления.

– Я что, – вкрадчиво произносит он. – Не один смотрю «Южный парк»?

У меня в голове не укладывается, как Джин и Дэниэл запросто перешли от острой социальной темы к обсуждению сортирного сериала.

Девчонка ухмыляется:

– Боже, Дэниэл, мы нашли друг друга.

---

⁵ «Южный парк» – популярный американский ситком, созданный Треем Паркером и Мэттом Стоуном. Цитата «Это скользкая тема, я не собираюсь её обсуждать» взята из данного ситкома (1 сезон, 6 эпизод).

В1(04;-29)

Урок социальных наук обычно заканчивался моим яростным желанием курить.

Принося всем вокруг извинения, отдав честь, присягу и что угодно профессору Штенбергу, я буквально первый выбегал из дверей библиотеки и наведывался в сломанный туалет напротив, который с недавних пор стал моей личной «курилкой».

Если курить и одновременно пустить воду из крана, запах в коридоре никто не почует.

Жизненные советы от старшекласников.

От накуренного аромата скрываться не удавалось – на меня часто оглядывались из-за него. Однажды профессор Уольтер сделал мне замечание перед уроком: в своём привычном забавном стиле он рассказал историю, как шёл позади меня до кабинета физики и почуял дурманящий шлейф сигаретного дыма, исходящий тогда от моей куртки. В качестве наказания я сидел остатки перемены у открытого окна, проветривая себя и свою дурную голову.

Уольтеру не страшно попадаться с грехами.

На это у нас были другие преподаватели.

Когда я шёл в следующий класс, до меня дошло осознание, что время на перекур было выбрано неудачное. После социальных наук следовала математика, а мой преподаватель, мадам Долан, хоть и имела свой специфический юмор, но снисходительностью к ученикам, как Уольтер, она не отличалась.

В классе все уже в привычном режиме собрались кучками у парт и что-то судорожно переписывали друг у друга, сопровождая свои действия нервными шутками и руганью. Преподавателя не было – наверное, мадам спряталась в маленькой комнатухе лаборантской, где она в привычном режиме проводила все перемены. Беззаботность царила только у парты Джин: она, с раскрытой книгой, полностью подготовленная к уроку, вела вполне себе культурный диалог с Виктором Полнаски.

Виктор говорит:

– Вообще, я тоже Паланика⁶ рано начал читать, – юноша задумчиво тупит взгляд. – Лет в четырнадцать. У друга в шкафу нашёл «Бойцовский клуб».

– Ты всё равно проиграл, – прыскает девчонка. – Я прочитала «Бойцовский» в двенадцать.

Полански оценивающе кивает, но не отрывает глаза от парты.

– Ну и как тебе?

– Преимущественно, мне понравился стиль, – мечтательно произносит Джин. – Сама история не особо. У него есть романы и получше.

Я подхожу ближе и замечаю в руках одноклассницы старый потрепанный экземпляр «Бойцовского клуба», и среди моих воспоминаний появляются затемненные кадры финчеровской экранизации, звонкий и жуткий смех Брэда Питта и идеальный сценарный ход, от которого моё сердце не стынет до сих пор.

Невольная улыбка всплывает на моём лице, но я замечаю кое-что ещё.

За тем самым романом и хорошим разговором об американской литературе скрыта домашка по тригонометрии, которую Виктор так незаметно списывает у своей подруги.

Парень на секунду отрывает голову и подмигивает мне.

Джин едва сдерживает смех.

– Кстати, раз уж речь зашла о стиле, – продолжает Полански. – Стиль Паланика интересный. Я начитался тогда, в свои четырнадцать, русской классики: Пушкина, Достоевского, Гоголя... В общем, фундамент своей культуры. А у них, сама знаешь, по десять страниц опи-

---

⁶ Чак Паланик – современный американский писатель, автор культового романа «Бойцовский клуб».

сания одного лишь пейзажа. Читать порой муторно. Не люблю я такое. Когда же я увидел «обрывочный» стиль Паланика, я был поражён. Не пусто, очень даже живо. Я тогда подумал – «неужели так можно было?».

Джин переводит взгляд на меня.

Мы оба поражаемся таланту Виктора скрывать преступления красноречием.

Неожиданно за моей спиной появляется фигура мадам Долан – я слышу звон её низких каблучков. Все присутствующие в классе замолкают, ручки перестают скрипеть по бумаге, и каждый с сочувствием переглядывается друг с другом. Джин нервно закусывает губу и тоже принимается молчать.

Не остановился только Виктор.

Он настолько увлекся разговором о Паланике, что не заметил прихода учителя.

Зато мадам Долан сразу же примечает его взглядом. Ехидная улыбка расплывается в её губах, в овальных очках мелькает блик солнца.

Красноречие Полански также удивило её.

– Что обсуждаете, юные математики? – женщина наигранно щурится.

Виктор резко отрывает голову и смотрит на неё.

Он проиграл.

– Современную литературу, мадам, – тут же вставляет Джин и пытается улыбнуться.

У неё буквально стучат зубы и дёргается глаз.

Долан удивлённо вскидывает брови.

– Правда? Неужели поэты начали сочинять оды на тригонометрическом языке?

Они проиграли.

Мадам Долан, прочувствовав собственную победу через наивные улыбки учеников, важно проходит к столу и продолжает:

– Надеюсь, вы хотя бы подготовились к сегодняшней контрольной, господин Полански. Потому что домашнюю работу я у вас аннулирую, – женщина подходит к стеллажам с книгами. – То же самое касается и вас, мисс Бэттерс.

Мой русский друг беззвучно вздыхает.

– А если я напишу контрольную на ноль по воле случая? – спрашивает он.

Долан даже бровью не ведёт:

– Тогда, по воле случая, вы придёте на пересдачу в среду или пятницу.

– Мадам Долан! – Джин моментально оживляется и врывается в дискуссию. Преподаватель смеряет её взглядом. – А с домашней что делать?

Женщина снова одаряет нас своей ехидной улыбкой – в её руках уже держится толстый потрепанный том, хранившийся на стеллажах этого класса. Издалека мы замечаем потёртую надпись на корешке: большая четырёхзначная цифра, напугавшая нас своим массивным видом, и маленькая, едва заметная подпись под ней же «...задач по тригонометрии».

Я замечаю сожалеющие взгляды студентов.

Я так же нервно жду вердикт.

– Вам с господином Полански, – Долан пролистывает хрупкие страницы сборника и внимательно просматривает их. – Я подарю возможность исправить ошибки юности. Сколько было примеров в домашней работе? Тридцать?..

Виктор нервно дёргает ногой.

Джин скрещивает руки на груди и тупит глаза в пол.

Спустя полминуты тревожного молчания в дуэте с шуршанием страниц Долан, прокашлявшись в кулак, провозглашает своё наказание. Она говорит:

– К пятнице, – женщина делает паузу, акцентируя внимание на сказанном. – Вы решите мне по шестьдесят задач с тридцать пятой по... сорок восьмую страницу, – учитель поднимает и вставляет: – Подите-ка сюда, грешники.

Джин и Виктор одновременно встают со своих мест и подходят к столу Долан.

Я стоял в двух метрах от места происшествия, но отчётливо слышал каждое слово, произнесённое преподавателем. Мадам Долан приподнимает хлипкий сборник и пальцем показывает раздел, задачи и их же содержание. Сквозь стёкла очков она вглядывается в пристыженные лица своих учеников, пытаюсь среди их раздражения найти признаки совести.

Мадам Долан продолжает говорить:

– Всё с подробным решением и каждым расчётом, – тут она усмехается. – Учтите: господин Полански решает чётные номера, а мисс Бэттерс – нечётные. Я ясно выразилась?

Моему взору представлены лишь спины друзей, но я чувствую, как от них веет злостью.

Грешники синхронно произносят:

– Да, мадам.

Сборник переходит в руки юноши.

Они в ту же секунду разворачиваются и идут по разным углам кабинета: Виктор – подальше от Долан, к своему месту у окна, а Джин – прямым ходом на меня.

Взгляд преподавателя резко останавливается на моем лице.

– Господин Прэзар, надеюсь, не соучастник? – спрашивает Долан.

Виктор, только услышав мою фамилию, сразу отвечает:

– Не трогайте Прэзара! – и добавляет: – Он вообще только из курилки.

У меня резко перехватывает дух.

Мадам Долан даже бровью не ведёт – всего лишь хмыкает.

Пронесло?

– Надеюсь, вы-то с домашней, господин Прэзар?

На её вопрос я удовлетворительно хмыкаю и готовлюсь сесть за парту с Виктором, но меня дёргают за рукав толстовки. Я смотрю на помрачневшее лицо своей подруги. От её немного предложения я не спешу отказываться – всё же, мой русский друг это поймёт и оценит. Рюкзак тут же приземляется на стул рядом с Джин; я медленно открываю его и беззаботно разыскиваю несколько листов, исписанных градусными мерами и тригонометрическими функциями.

Но его *нет*.

С моих уст, не слышимая никем, слетает ужасная и краткая ругань.

Девчонка ведёт бровью.

– Что, пропил свою домашку? – также неслышно интересуется она.

На моём лице расплывается привычная, ужасно тупая улыбка.

Чёртова математика.

– У нас ещё контрольная, – как бы невзначай бросает Джин.

Я чувствую, как моя улыбка тянется до ушей.

Чёртова математика.

Я безнадежно смотрю на Джин.

Она усмехается.

Мы слышим звонок.

Мадам Долан тяжёлой, скособоченной походкой направляется по рядам и раздаёт задания контрольной. Я замечаю, как при виде заданий у моих одноклассников меняются лица: на них накатывает ужас, разочарование, печаль и злость.

– Вы прекрасно помните, что по завершению определённого раздела мы проводим контрольную работу, – вновь и вновь повторяет женщина. От её голоса по спине бегут мурашки. – Сегодняшняя контрольная – завершающая по тригонометрии. Здесь собрано всё, начиная со значений до построения графиков тригонометрических функций.

Лист с кучей толком несортированного материала оказывается и на нашем столе.

Я лишь взываю от безысходности.

– Рано ноете, Прэзар, – бросает Долан. – У вас ещё аттестация в июне.

По классу слышатся хохотки.

Я расстроено падаю на стол.

– У меня же только начало всё налаживаться, – бубню я себе под нос.

Я чувствую, как худые девичьи пальцы треплют мне волосы, и слабо улыбаюсь.

Мурашки бегут по спине от неожиданной нежности.

– Я не готовился, – виновато произношу я.

– Я знаю, – еле слышится надо мной.

– Я пил, – всё ещё убиваюсь я.

– И это я знаю.

– А что мне делать?

Пальцы на секунду замирают. Затем они вовсе сползают с головы, и через мгновение до меня доносится шорох листов и аромат замазки.

Голос Джин снова раздаётся рядом:

– Домашку она исправлять не будет, – по бумаге скребётся ручка. – Тройки по контрольной – тоже. Придешь к ней на исправление *в пятницу*.

Пальцы снова треплют мне волосы.

– Подними голову.

Я еле отрываю своё страдальческое лицо от парты и смотрю на соседку. Джин демонстрирует мне несколько листов «А4» с готовой домашней работой по тригонометрии. В верхнем углу листа замазана чья-то фамилия. Чуть ниже подписана ещё одна, от вида которой у меня всё сковывается внутри.

«Коул Прэзар, 11 класс».

– Я что, зря домашку делала? – саркастично бросает Джин.

Я дрожащими руками беру листы и отрешённо всматриваюсь в аккуратно выстроенные графики и громоздкие выражения.

У меня нет подходящих слов для благодарности.

– Работа рассчитана на сорок минут, – вновь слышится властный голос Долан. Она встаёт на подиум перед всем классом и деспотически окидывает нас взглядом. – Можете приступать.

В кабинете нерешительно скрипят ручки и шуршит бумага. С дальних парт раздаются отчаянные вздохи – с тех самых, где сидел прежде я с Полански. Я осторожно оглядываюсь в ту сторону и ловлю на себе грозный, но при этом довольный взгляд Виктора.

Он остался там совершенно один.

Мы молча переглядываемся и киваем друг другу.

Я разворачиваюсь к своей проклятой контрольной и ошарашенно наблюдаю за тем, как Джин уже переходит ко второму заданию – приведению выражения. Девчонка увлеченно высчитывает значения функций, рисует окружности на черновике и медленно записывает ответы.

Я притворяюсь, что пишу что-то.

На моём черновике абсолютно пусто, но потом там появляются и числа, и буквы. А ещё маленькие динозавры. Джин случайно замечает моё произведение искусства и стыдливо улыбается, отведя взгляд.

В классе лишь нервно скрипят ручки и шуршит бумага. Мадам Долан, с зеленоватыми бликами на очках, напоминала Медузу Горгону – ученики резко каменели, встречаясь с ней глазами. Я же не рисковал поднимать на неё взгляд.

Взяв свой черновик, я аккуратно обхватил ручку пальцами и вдруг остановился.

Математику можно исправлять в среду и пятницу до уроков.

Сегодня вторник.

Сегодня я подготовиться не успею.

Да и самостоятельно подготовиться вряд ли смогу.

По черновику быстро скользит ручка, оставляя неаккуратные надписи чёрной пастой. Я протягиваю лист Джин. Девчонка бегло читает надпись и скрытно улыбается.

«Можешь помочь мне подготовиться к исправительной? Отплачу пачкой «Мальборо».

Джин быстро пишет ответ и отдаёт лист мне, продолжая работать с контрольной.

«Могут просто так помочь».

Я недовольно хмурюсь.

«Слишком жирно. Давай «Хершиз»⁷ хоть куплю».

Джин закатывает глаза.

«Если только карамельный».

Я поднимаю глаза на Долан и каменею.

Женщина подозрительно щурится, а я лишь глупо ухмыляюсь, подставив под щеку кулак и ожидая, когда она переведёт взгляд в другую сторону.

«Чёрт, я такой в последний раз в Хаскисе десять лет назад видел».

Джин собирает свои листы в кучу и подписывает работу.

«Поищи на Нильском. Супермаркет «15\86» вроде называется».

Девчонка встаёт из-за парты и направляется к мадам Долан.

Та оценивающе всматривается в предложенные ей бумаги и забирает их.

Мой чистовик абсолютно чист.

Задания контрольной и домашку я несу один из последних, и «мои» работы Долан принимает совсем под звонок. Преподаватель сразу же замечает замазку на листе с домашней работой и недовольно хмыкает.

– Похвально, – фыркает мадам Долан и прячет работу.

Я ухожу от неё с горящим чувством стыда и вины.

Джин уже собрала вещи и ждёт, когда толкучка у дверей кабинета рассосётся. Я стою рядом с ней, и мне становится ещё хуже. Когда мы выходим в коридор, девчонка замечает, что у нас ещё пара общих уроков и с сарказмом строит догадки, стоит ли ей красть меня у Виктора и в последующие разы.

Джин рассказывает ещё одну чрезвычайно интересную вещь – перед ней извинился сам Андре Стюарт. Правда, произошло это не вживую, а лишь в диалогах «Инстаграм». Текст его извинения был скомканным, но девчонка нашла в его словах толику искренности – парень действительно жалел о своих словах и действиях. После, получив прощение, он даже подписался на Джин, из чего та сделала вывод, что, скорее всего, он – её фанат.

Я не могу долго держать все эмоции в себе.

– Джи...

– Ой, подожди, – подруга перебивает меня и смотрит вдаль. – *Виктор Полански!*

Среди толпы школьников мы быстро пробиваемся к нашему русскому другу. Джин обсуждает с ним случившуюся беду и спрашивает, как быть со сборником и когда он собирается делать очередную домашнюю работу. Виктор торопливо объясняет, что, если сама Джин не против, то он сделает домашку сегодня вечером и наверняка – если не стопроцентно – встретится со мной, чтобы передать сборник. Мне же быть почтальоном проще всех, ведь я каждый день вижу с Полански, живу в одном доме с Джин Бэттерс и совсем, совсем не имею своих дел.

Виктор обеспокоенно поглядывает на меня в течение всего диалога.

Затем он говорит, что очень хочет курить и, извинившись, оставляет нас наедине.

Джин тут же поднимает на меня глаза:

– Ты что-то хотел спросить?

---

⁷ «Hershey's» (рус. Хэршиз) – крупнейшая американская кондитерская компания. В данном случае имеется плитка шоколада данной марки.

Мы сворачиваем на лестничную клетку и слышим звонок на начало урока. На лестнице резко становится пусто и тихо – даже дыхание отдаётся эхом под потолком.

– Боже, нам ещё на третий этаж тащиться, – саркастично выдаёт девчонка, закинув голову вверх. – Мои лёгкие курильщика не выдержат.

Её ступни уже становятся на первые ступени, и я резко хватаю девчонку за руки. Джин сразу поворачивается. Мы неотрывно смотрит друг другу в глаза на протяжении долгого времени.

У меня не хватает смелости сказать всё, что действительно хочется.

Я туплю взгляд в пол и замечаю книгу в её второй руке.

– Дашь «Бойцовский клуб» почитать?

Её руки такие мягкие.

Джин непонимающе ведёт бровью, но потом тепло улыбается.

Она отводит взгляд первая.

Я замечаю легкий румянец на её лице.

– Ты не читал «Бойцовский клуб»? – спрашивает она.

– Нет, – с трудом продолжаю я. – Я мало читаю что-то, кроме... сценариев, анализов, статей... Просто это мой любимый фильм.

– Конечно, – говорит она и отдает книгу мне в руки.

Это явно не то, о чём я хотел ей сказать.

– Спасибо кстати, – бормочу я.

Джин улыбается:

– Да пожалуйста, – отвечает подруга. – Вернешь как прочитаешь.

– За математику, – уточняю я. – Спасибо за математику.

Я выпускаю её руки из своих и прижимаю девчонку к себе.

Джин не сразу понимает, что к чему, и я попросту жду её ответной реакции.

Физика совсем вылетает из головы. Проходит минута, две, четыре – это уже не столь важно. Время принимает отрицательный вектор и абсолютно не имеет смысла больше.

Мурашки бегут по коже, и вовсе не от испуга.

Джин обнимает меня ещё крепче и не собирается отпускать.

B2(-05;01)

В первый майский день, среду, я пришёл в школу с чувством какого-то странного ожидания и на первом попавшемся плакате нашёл ему причину.

Сегодня состоялась «Книжная ярмарка» в спортзале.

Скучное название скучному мероприятию.

Я не был противником литературы, да и особым любовником её не являлся. Трепетной нежностью к книгам проникся Виктор. Он мог часами застревать в книжных магазинах и внимать лишь аромат печати, а когда дело доходило до её изучения, Полански можно было в принципе оставить в покое.

По началу зрелище было романтическим, но потом дико надоедало.

Но даже Виктор, явный романофил и книгоман, считал школьную ярмарку поистине скучной. В российских школах такого нет, и все надежды Виктора, строящиеся планы и мечты были разрушены в миг на первом же мероприятии.

Ассортимент от магазинного не имел отличий, цены – завышены до крайностей, да и обещанные «различные сети книжных» приезжают с одинаковым товаром. Единственное, за что мой глаз зацепился в прошлый раз – небольшой столик со стопками комиксов, напечатанных на домашнем принтере, и их художник, сидящий за ними седовласый мужчина в рубашке в клетку.

Оказалось, что он живёт в соседнем городе и учился в нашей школе.

Его комикс я так не купил, а имени узнать не успел.

«Книжную ярмарку» спонсировал родительский комитет, любящий, видимо, бесполезно тратить свои деньги и время своих детей. Наверное, проблема была даже не в родителях, а в отсутствии полноценных возможностей – мы, вообще-то, не в Лос-Анджелесе живём.

Хотя до него около десяти миль езды.

Самая страшная часть в «Ярмарке» – обязательная.

Каждый ученик старшей школы города Прэтти-Вейст должен посетить данное мероприятие хотя бы на два часа. Обычно «Ярмарку» устраивали вместо последних двух уроков, поэтому – либо читай книги, либо помирай со скуки.

Совсем умирающих отпускали и через час.

Возможно, вся суть «Ярмарки» проходила мимо моих глаз благодаря интроверсии и необщительности. Возможно, нужно было смотреть не на книги, а на их продавцов. Возможно, такие мероприятия просто не в моём вкусе.

Возможно, «Ярмарка» действительно была скучной.

Свои последние часы учёбы я проводил в классе искусств – смывал красное масло с рук и вычислял, какие уроки из жизни я выпускаю.

Последние занятия в среду я либо прогуливал, либо посещал через силу.

Физкультура и информатика.

– Кошмар, – с ужасом тяну я. – Я же пропущу *физкультуру*.

Физкультуру я не посещаю, кстати, уже второй месяц.

Виктор начинает дико хохотать.

Девчонка, стоявшая рядом с нами, громко хмыкнула и попросила освободить место у раковины – у неё была гора кистей. Мы садимся с Виктором на подоконник. У меня всё ещё красное масло на руках, у Полански – зелёная полоска акрила на носу.

Мимо нас проходит мистер Лоудер, учитель искусства, и усмехается.

– Попробуй оливковым маслом дома смыть, – Лоудер осматривает мои руки, а затем поднимает взгляд на Виктора. – А ты – спиртом.

Мы киваем и загадочно хихикаем, наблюдая за уходящим Лоудером.

– *Спи-иртом?* – хитро тянет Виктор и оборачивается ко мне. – Не хочешь мне помочь?

Я ухмыляюсь:

– О-очень хочу.

Художественный класс значительно отличался ото всех остальных кабинетов в нашей школе – в нём было что-то своё, душевное и спокойное. Наверное, из-за большого количества предметов из тёмного дерева и развешанных по всему кабинету картин здесь было так уютно и так по-домашнему.

Художественный класс – курс обязательный для аттестации, только время его прохождения старшеклассники выбирают сами. Я решил пройти его в одиннадцатом, пожертвовав уроками истории у госпожи Стингл. Виктор посещает её лекции до сих пор и через раз передаёт мне пламенный «привет» от неё.

Мировую историю я променял на историю культуры и видел разницу лишь в учителях. Вдвоём они преподносили один и тот же материал, но Стингл всегда ставила выше влияние каких-либо событий на человечество, а Лоудер – влияние человечества на культуру. Учителю истории был важен человек, а учителю искусства – то, что этот человек создал.

По сути, я сменил лишь фокус наблюдения, а не дисциплину.

К слову, важность культуры и творчества каждого человека Лоудер подчёркивал в своём пристрастии к работам ученикам. Почти весь кабинет был увешан картинами его последователей – точнее, всех, кто прошёл или ещё проходил аттестацию в его классе. Тут были и академические рисунки, и постмодерн, и всевозможные виды искусства со своим началом и своим названием, о которых я не имел понятия. Я часто любовался живописью, почтительно представлявших одну большую преподавательскую работу Лоудера.

Среди различных картин я замечаю чей-то знакомый силуэт с короткой стрижкой и яркой красной надписью над головой – *«они думали, что я умнее»*.

Продолжение реплики расположили ниже, мелким шрифтом.

«Но у меня недостаточно мозгов, чтобы любить себя».

Мне даже не нужно разглядывать подпись автора – очевидно, чьё это творение.

– Тебе тоже кажется интересным этот портрет? – слышу я голос Лоудера рядом. – Достаточно экспрессивно.

Я пожимаю плечами.

– Она такая, – хмыкаю я.

Учитель непонимающе вскидывает брови.

– Джин Бэттерс, – я встречаюсь с Лоудером глазами. – Это же её работа?

Полная уверенность в авторстве медленно уходит – Лоудер всё также не спускает бровей и лишь задумчиво хмыкает.

– Джин? – спрашивает он. – Она собиралась ко мне в следующем году.

Я снова смотрю на портрет и прищуриваюсь.

Подпись автора – Кейт Хоннер.

Чёрт.

Над нами трещит звонок.

Мы медленно выходим из класса, прощаясь с Лоудером. Оказавшись в коридоре, мы с Виктором слепо следуем за толпой своих сверстников – в направлении спортивного зала. Народу столько, что кажется, будто мы идём на проверку пожарной безопасности.

– Ну что, – на лице Виктора всплывает загадочная улыбка, когда я поворачиваюсь в его сторону. – Теперь ты довольный и счастливый ходишь с пятёркой по математике и пустой контрольной?

Я недоумённо вскидываю брови.

– Тебе Джин рассказала, – устало тяну я.

– Нет, сорока напела, – Полански ухмыляется.

– Она же тебе список мифов о Джин Бэттерс в соло сыграла?

– Ага, – прыскает мой друг. – У нас была опера.

Мы сворачиваем по коридору налево, в такт толпе.

– Не кажется она мне такой асоциальной, – говорю я. – Как ты и говорил.

Виктор ведёт бровью:

– Да неужели?

– «Не подпускает к себе, если твой балл не ниже трёх и восьми», – я по памяти перечисляю мифы о Джин Бэттерс. – «Травили в средней школе, поэтому у неё нет друзей» ... а потом? Она так легко начинает общаться со мной, на социальных науках болтает с Китом о вещах, о которых я понятия не имею. Она даже на вечеринку Гейз со мной пошла!

– Дорогой Коул, – мой русский друг ухмыляется. – Мифы созданы, чтобы их разоблачать. Хочешь ещё один такой расскажу?

Двери в спортивный зал уже открыты, и внутри него я замечаю кучу расставленных столов с книгами. Яркие вывески кричат издалека, а над дверьми приятно светит гирлянда тёплых жёлтых лампочек, вызывающие восхитительные возгласы от девочек, любящих эстетику пряности и уюта в профилях «Инстаграм».

В прошлом году всё было тошнотворней.

У дверей толпятся все знакомые и незнакомые мне старшеклассники. Я замечаю девчонку из Нильского проспекта, лупящихся в телефоны и задорно хохочущих над своими глупыми и колкими проказами.

Одна из них замечает нас и радостно машет рукой.

Девчонки из Нильского стремительно приближаются к нам.

– Миф о Джин Бэттерс номер сорок два: она слишком сильно влюбляется, – Виктор внимательно смотрит на меня. – И ещё один, сорок пятый: она ест шоколад только с молоком. Возьми на заметку.

Девчонки из Нильского уже обнимают Виктора со спины и умиленно гладят его кудри.

Обычно, святая тусовка Нильского проспекта состоит из четырёх участниц: Кристин Дрейк, Виктуар Брукс, Рейчел Эванс и Энджел Кимберли. Все, кроме первой, как раз и были родом из одноимённого района; Дрейк же жила далеко от центра, за мостом. Она прибилась к компании последняя, показав всю мощь своего длинного языка и повстречавшись с капитаном футбольной команды, Рахимом Эшем, около полугода.

Девчонки Нильского обладали колоритной, запоминающейся внешностью: Дрейк запомнилась своим странным, похожим на морду выдры лицом, Брукс – высоким ростом и большим ртом, Кимберли – спортивным телосложением и строгим видом. Их троих объединяла любовь к сплетням и довольно аморальный образ мышления. Изюминкой и здравым смыслом здесь была Рейчел Эванс – высокая девушка южного происхождения, любившая медицину и модельный бизнес.

Она и подошла ко мне первая, протягивая свои руки для объятия.

Я никогда не общался с ней отдельно от святого квартета.

Рейчел обеспокоенно поднимает глаза и спрашивает:

– Ты чего такой поникший?

Я жму плечами.

Чья-то голова из гарема Виктора вылезает у него из-под плеча и фыркает:

– Я бы тоже убивалась, если бы ко мне Бэттерс приставала.

– Вы где Энджел потеряли? – спрашивает Полански, пытаясь заглушить возглас.

Гарем быстро отлипает от него.

Виктуар – та, что с большим ртом, – машет рукой и говорит:

– Она больной притворяется. Не любит проводить время впустую на «вот это всё».

– «Вот это всё»? – заинтригованно уточняет Полански.

Виктуар кивает:

– Ну, книжки. Книжки она не любит.

– Лучше бегите, – злорадно ухмыляется Виктор.

Девчонки радостно и звонко смеются от его шутки.

Меж тем, я ловлю на себе мимолётный взгляд Джин откуда-то издалека, и у меня что-то сжимается в груди. Я хочу броситься ей вслед. Девчонка пропадает в толпе.

Я смотрю вдаль и говорю:

– Там зал открыли, вообще-то.

Компания Нильского цепляется за Виктора и докучает его вопросами, а он смущённо пытается избежать их присутствия. Перед его глазами мелькают стенды с книгами и вывески магазинов, а на лице расплывается горькая улыбка. Я подхожу к одному из стендов и бегло осматриваю ассортимент литературы. Руки быстро хватают книгу с живописным изображением спящей девушки на обложке, и я демонстрирую находку Виктору и Нильской тусовке.

– Осторожно, дамы, – саркастично бросаю я. – Полански убивает девушек у себя на кухне и делает из их кожи обложки для книг. Ему интересна лишь литература.

Виктор прыскает.

У меня в руках – «Парфюмер» Патрика Зюскинда.

– Каждая книга должна иметь свой аромат, не так ли? – загадочно молвит Виктор.

Я киваю.

Мы останавливаемся здесь, и девчонки Нильского, к нашему удивлению, отлипают от Виктора. Их внимание привлекают экранизированные популярные романы. Они обсуждают обложки книг Джона Грина и слухи вокруг молодых голливудских звёзд.

Виктор тянется к классической литературе и нежно оглядывает каждую книгу. Парень берёт один из романов Сомерсета Моэма, открывает первую страницу и вчитывается в каждую фразу.

Я усмехаюсь.

Начинается.

В этот раз на ярмарке завоз больше: появились даже нон-фикшн и узко специализированная литература. Старшеклассники заинтересованно болтают о писателях, жанрах и произведениях, диалоги поддерживают даже продавцы и учителя. У стенда с исторической литературой и биографиями стоят Стингл и Лоудер и радостно хохочут, бурно дискутируя о чём-то; мадам Долан зачитывается новым справочником по математике, а Уольтер рассуждает об устройстве вселенной с автором книги по квантовой механике.

Наверное, суть «ярмарки» именно в этом.

Через какое-то время Виктору надоедает чтение стоя, и мы отправляемся к разноцветным сиденьям трибун. Девчонки из Нильского также рады этой новости и рысью преследуют нас. Пройдя на самый верх, почти под потолок, разместившись на сиденьях подальше от людских глаз, святая троица – сегодня она именно троица – принялась рыться в своих сумочках и доставать электронные сигареты в паре с жидкостями для них.

Виктор садится и сразу же утыкается в свой телефон.

Я достаю Паланика и начинаю читать.

На книжной ярмарке.

Кристин Дрейк потягивает «сигаретку» и смотрит на свою большеротую подружку.

– У тебя с чем?

– С манго, – ухмыляется Виктуар.

– Можно залить? – Дрейк уже тянется к жёлтой бутылочке в руках Виктуар Брукс. – Вчера в «Энджой Смок» все нормальные «жижи» закончились.

Виктуар внезапно оживляется.

– Давно в «Энджой» сигареты продают? – спрашивает она.

– Всегда там продавались, – говорит Дрейк и закуривает.

Я не замечаю, как Рейчел сидела на сиденье передо мной и внимательно наблюдала за моим беглым взглядом. Южанка мило улыбается и, боясь отвлечь, тихо интересуется:

– Что читаешь?

Я поднимаю на неё глаза.

В её взгляде не было присущей всей остальной тусовке зависти и злости. Она действительно спрашивала с интересом, без всякой задней мысли, и хотела поговорить не от скуки или раздражения, а потому что просто хотела поговорить, и поговорить на тему, её интересовавшую.

Она ходила с Виктором в литературный клуб по четвергам.

– «Бойцовский клуб», – не сразу отвечаю я.

– Интересная? – улыбается Рейчел.

Я задумчиво хмурюсь.

– М-м, да, – киваю я. – Мне Джин посоветовала.

Рейчел удивлённо вскидывает бровь.

– Вы дружите? – интересуется она.

Улыбка так и не спала с её лица.

Её взгляд не стал расстроенным или злым.

– Они трахаются, Рейч, – бросает Дрейк.

Кристин даже не смотрит в нашу сторону.

Виктор, между прочим, бросает:

– Завидуют молча.

Кристин поднимает на него глаза, но не говорит не слова.

Рейчел отводит смущённый взгляд, а я не даю ответа на вопрос.

Дым электронных сигарет распространяется пред моими глазами, а под шелест тараторящих языков невозможно читать. Я откладываю книгу в сторону. Виктор по-прежнему сидит в телефоне и активно печатает сообщения, неизвестно кому, неизвестно зачем. Я не решаюсь его отвлечь и сам беру свой телефон в руки, тут же получая на него сообщение в мессенджер.

Я моментально открываю диалог.

От кого: Джин Бэттерс

12:35 ПП

Подойдешь к стенду с комиксами?

12:35 ПП

Он в конце зала, у выхода

Я вынужден уйти, и сообщаю об этом Виктору. Мой друг отрывается от своего телефона и смотрит на меня, уже вставшего с места и накинувшего рюкзак на плечо. Девчонки Нильского тоже не оставляют мою фигуру без внимания.

– Ты сегодня к Джин пойдёшь? – невзначай бросает Полански.

Я киваю.

– Мне надо подтянуть тригонометрию, – говорю я.

– Справочник отдать ей не забудь, – напоминает Виктор и загадочно ухмыляется.

Я усмехаюсь.

– Не забуду.

Я покидаю трибуны под ошарашенными взглядами святой троицы.

На спуске я встречаю Стюарта и Фримана и здороваюсь с ними. Парни говорят, что у них к Полански есть разговор, а Стюарту так и хочется подразнить девчонок из Нильского и обменяться с ними издёвками. Он живёт с Дрейк в одном районе и давно её знает, поэтому связь этих юношей со святой тусовкой никого не должна удивлять.

Я же направляюсь к стенду с комиксами, у самого выхода. Я бреду сквозь толпы людей, не совсем понимая, верное ли беру направление, но совсем скоро макушка светлой головы попадает в мой взгляд, а знакомый мужской силуэт даёт большую уверенность для моего пути.

– И как давно вы занимаетесь самиздатом? – знакомый голос доходит до моих ушей. – А, вы с дочерью их печатаете? Это мило.

У стола того комиксиста стоит Джин Бэттерс – в черной толстовке, прямых джинсах и наспех собранным хвостиком волос. Старик улыбается ей и оживлённо рассказывает о своей деятельности, а девчонка заинтересованно его слушает и изредка хихикает.

Я подхожу к ним.

– А тебя я помню, – мужчина тепло улыбается мне и протягивает мне руку.

Я не скрываю своего удивления и жму руку в ответ.

На седовласом мужчине, кстати, всё та рубашка в клетку.

Джин загадочно ухмыляется.

– Его Коул зовут, – девчонка представляет меня продавцу. – Он не особо разговорчивый.

Старик усмехается:

– Я тоже такой в старшей школе был, – он подмигивает. – Я Стивен.

Я неловко улыбаюсь.

Многие комиксы на этом столе относились к космическому жанру: на обложках танцевали зелёные двухголовые существа, а позади них мелькали тысячи звёзд и комет. Были работы и с землянами – среди карикатурных черт я узнал Джорджа Вашингтона и Джона Кеннеди, что меня позабавило.

Джин берёт одну из работ мужчины и внимательно осматривает его.

– Я читала этот комикс в интернете, – заинтересованно тянет девчонка. – Мне очень понравилась сатирическая часть. На «Автостопом по галактике» похоже.

Комиксист растекается в приятной улыбке.

– Моя любимая книга, – говорит он.

Джин удивлённо вскидывает брови.

– Правда? Мне тоже понравилась.

Девчонка откладывает комикс и долго вглядывается в стопки остальных. Она нерешительно водит пальцем по обложкам с приоткрытым ртом, чуть слышно читает названия и иногда пугливо отстраняется.

Я не могу оторвать от неё глаз.

Её пальцы останавливаются на портрете человека с компакт-кассетой вместо глаз.

Джин аккуратно берёт комикс в руки и пролистывает страницы.

– О, это моя последняя работа, – горько усмехается мужчина.

Девчонка бегло оглядывает аннотацию на задней стороне обложки.

– За сколько отдадите? – Джин тут же лезет в карман своей толстовки.

Мужчина активно мотает головой.

– Забирай, – девчонка пытается протянуть пару купюр, но тот отмахивается от денег. – Я дарю. За приятный диалог.

Они долго смотрят друг на друга и молчат.

На лице комиксиста расплывается искренняя грустная улыбка.

Джин не понимает, почему.

В конце концов, Джин прижимает комикс к груди, кивает, бросает что-то в качестве благодарности и уходит прочь.

Я иду следом за ней.

– Ты в порядке? – я одёргиваю Джин. – Привет, кстати.

Девчонка как-то расстроено задерживает на мне взгляд и пытается понять, что происходит. На её открытых губах висит вопрос, а я терпеливо жду момента, чтобы на него ответить.

Джин взволнованно щурится и тут же тупит взгляд в пол.

Я протягиваю ей руку.

Девчонка суёт мне комикс.

– У меня рюкзак на биологии остался, – скомкано роняет она и поднимает взгляд. – Можешь к себе положить?

Я несколько секунд хмурюсь, а потом невольно улыбаюсь.

– Конечно.

Комикс оказывается в моих руках, и я безукоризненно кладу его к себе в багаж.

Джин трёт ладонями свои плечи и нащупывает ляжку забытого рюкзака.

Посреди шумного зала мы становимся практически незаметными – каждый в этом помещении занят своим делом и заинтересован вовсе не нами. Я замечаю десятки знакомых лиц, и в миг они все обретают схожесть. Все эти лица задир, тихоней, тусовщиков и плакс выражают на себе явный интерес и удручающую готовность выпасть из реалий.

Это начинает забавлять.

Мой взгляд переходит к Джин.

– Ты «Мистера Робота»⁸ не смотрела? – спрашиваю я.

Девчонка поднимает глаза.

– Может быть, – говорит она. – А про что он?

Я оценивающе оглядываю её сегодняшний образ.

– Как парень в чёрной толстовке разрушил всю экономику США и слишком боялся людей.

Джин бросает взгляд и на мой образ.

На мне – чёрная толстовка, чёрная кожаная куртка, чёрные узкие джинсы.

Только кроссовки белые.

– Про тебя сериал сняли? – усмехается Джин.

– Про тебя.

Подруга прыскает.

– Я не боюсь людей, – оправдывается она. – Я ненавижу большие бессмысленные собрания.

– Как это? – я киваю в сторону всех книжных стендов.

– Именно, – улыбается она. – Рекомендую убраться отсюда подальше.

– Ну, единственная возможная даль сейчас – это вон те сидения. Устроят?

Я указываю на трибуны, противоположные тем, где сидел я с Виктором Полански.

– Более чем, – говорит Джин.

Покоряя ступеньки лестницы, мы поднимаемся к самым верхним местам.

– Кстати о парнях в толстовках, – вдруг начинает моя подруга. – Ты в этой куртке спишь?

Я быстро оглядываю кожанку.

– Да, – киваю я. – Как ты угадала?

Джин усмехается.

– Ты в этой куртке ходишь везде, даже в школе. Что у вас за любовь такая?

---

⁸ «Мистер Робот» – американский психологический телесериал, созданный Сэмом Эсмейлом. Транслировался в 2015-2019 годах.

На моих губах расплывается приятная, ностальгическая улыбка.

– Короче.

Мне четырнадцать; я, бунтарь натурой и искусствовед душой, открываю для себя существование группы «Dereche Mode⁹», а затем плавно перехожу к «Arctic Monkeys¹⁰». Первая моя находка в сфере музыкальной относилась к электронному року и подходила под моё настроение тогда, когда мне хотелось помечтать о далёком и несущественном. Инди-рок «Мартышек» я полюбил с первой же их песни, все их альбомы буквально за сутки добавились в мой ежедневный плейлист, а я с нетерпением ждал их творчества дальше.

Голос Алекса Тёрнера – солиста «Arctic Monkeys», – вливался в мой неокрепший разум и оставался там на протяжении всего дня. Я любил его манеру исполнения, слова, которые он пропевал, тексты, которые он произносил. Песни «Arctic Monkeys» идеально ложились на байопик, снятый моими глазами, и потому я так искренне их любил.

Участников группы и своего кумира я впервые увидел на фотографии, где они все стояли в чёрных брючных костюмах. Элегантно, официально. Снимки с концертов демонстрировали группу более развязной: рубашки в клетку, джинсовые рубашки, майки, вспотевшие волосы, чёрная кожаная куртка Тёрнера.

Она и врезалась в мою память.

С тех пор я всегда вспоминал Алекса Тёрнера лишь в кожанной куртке, а мой подростковый дух хотел подражать ему.

Кожанной куртки не удалось сыскать ни в одном «секонд-хенде» Прэтти-Вейста.

К счастью, она нашлась в дальнем углу шкафа у нас дома.

Я не знаю, чья она.

Джин, сидя среди высоких мест трибуны, внимательно выслушала краткую историю в одну-два предложения, и понятливо кивнула головой. Она не придумала ни единой темы для последующего диалога, да и я все свои мысли исчерпал, поэтому мы молча занялись своими делами.

В руках моей подруги – тот самый комикс, который достался ей в благодарность.

Внутри – страшные чёрно-белые картинки, чёрно-белые слова и психоделичные тексты. Я урывком читаю несколько фраз со страницы, и у меня пробегает дрожь. Джин спокойно оглядывает каждое изображение и медленно листает страницы.

Я не стал её отвлекать.

Перед моими глазами – толпы различных людей, разных возрастов и интересов. Но их истории меня мало интересуют: их всех объединяет либо желание найти хорошее чтение, либо провести время с пользой или без нее. Их загадочные лица, их блаженные, влюбленные глаза, их уставшие лица – все они, безусловно, попадали в кадр, но они не были центром моего нарратива. Я, как режиссёр, как зритель сего происшествия, видел лишь одну линию движения истории – несчастную, истомную, блаженную.

Она была в лице Виктора Полански.

– Давай снимем кино, – вдруг сказал я, обратившись к своей подруге.

Джин оторвала глаза от комикса, осмотрелась, спросила:

– В твоей голове?

– В моей голове.

На поиск героя девчонка затрачивает около трёх минут, но никого занимательного в толпе не находит. Она обращается взглядом ко мне.

Я показываю ей лицо напротив.

– Видишь Виктора на тех рядах?

---

⁹ Dereche Mode – британская рок-группа.

¹⁰ Arctic Monkeys – британская рок-группа, солист – Алекс Тёрнер.

Джин прищуривается.

Наш русский друг по-прежнему находится в окружении Нильского проспекта и тандема Фриман-Стюарт.

– Ты оставил его в сомнительной компании, – замечает она.

– Она ему не нужна, – говорю я. – Он уже полчаса с кем-то переписывается.

Джин всматривается в силуэт белёсых кудрей и усмехается.

– Влюбился мальчик.

– Он поднял глаза! – восклицаю я, преследуя движения своего героя. – Меняем кадр.

– Кто же собеседник Виктора Полански? – комментирует Джин. – А может, *собеседница*?

Камера отдаляется от героя, с надеждой поднявшего глаза вверх.

Камера пролетает над множеством голов, запечатляет в кадре множество лиц, кучу бессмысленных реплик, но, опять же повторяюсь, они нам не нужны. Нам нужен только тот герой, которого ищет наш влюблённый Виктор. Нам нужен тот, кто также оторвал глаза от экрана и ищет Виктора в этом абсурдном сборище, от которого режиссёры фильма предпочли сбежать.

Камера высматривает собеседника главного героя.

Но где он?

– Вот она, – шепчет Джин и указывает кивком.

Если спуститься взглядом вниз по нашим трибунам, можно заметить нашу с Джин ровесницу с телефоном в руках. У неё светлые волосы, скромный выбор одежды и так же скучающе, тоскливо поднята голова в поисках кого-то, с кем телефон её роднит.

Камера демонстрирует нам обоих героев.

Режиссёр доволен, но чего-то не хватает.

– А теперь, – задумчиво произношу я. – Когда оба героя предстали нашему объективу, можем... показать расстояние между ними?

У Джин идея получше.

– Их одиночество в толпе, – говорит она.

– То есть, наше кино не драма о двух возлюбленных? – я улыбаюсь.

– Копни глубже, – Джин вздёргивает бровью. – Не делай искусство общепринятым.

– Я могу сделать предмет искусства о любви.

– Если только о несчастной, – замечает девчонка. – Счастливое искусство никого не интересует, тем более – его даже не существует.

Я усмехаюсь.

– Кино – это травма, – говорю я и объясняю: – Так Финчер сказал.

Кадр плавно исчезает, кино заканчивается, а зрители молча выходят из зала. Конец незаконченной истории. Режиссёры с хандрой обращаются к происходящему у них под носом и не могут отыскать интересных сюжетов, да и не пытаются найти их.

Меня дёргают за рукав.

Это Джин.

– У меня серьёзная проблема, – говорит она.

– Я найду ей решение?

– Определённо.

Джин внимательно всматривается в мои глаза и устанавливает зрительный контакт.

Внутри меня всё сжимается.

Голод.

– Коул Прэзар.

– Я не готов к женить...

– Я хочу *курить*, – говорит Джин и прожигает меня взглядом.

Мы ещё долго смотрим друг на друга.

У нас с Джин проблемы общие.

– У тебя есть сигареты? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она.

– У меня тоже.

Наш взгляд – тоскливый и влюблённый – обращён к белёсой голове.

Он встаёт. Он, наш герой, берёт рюкзак и направляется вниз по лестнице, в самую толпу, его свита бежит вслед за ним. Но он одинок среди них, как одинок путник в пустом поле, как одинок странник в неизвестной ему стране. Он одинок уныло. Он ищет родные души в этом тошном, убогом мире, он ищет того, кому готов доверить себя, свой дух, своё дыхание.

И мы идём ему навстречу.

– Пошли, – я резко встаю с мест и собираю вещи.

Девчонка резко оживает.

– Нашёл у кого стрельнуть? – её тон – снова привычно саркастичный.

Я ухмыляюсь.

Я небрежно, но крепко хватаю Джин за запястье и сбегаю вниз по лестнице, подобно нашему герою. Она громко дышит за моим плечом, и я снижаю скорость похода.

Мы долго идём вместе – долго и молча.

Мы проносимся мимо кучи знакомых, пропускаем мимо ушей многочисленные «привет» и «пока». Среди приветствий слышится и Гейз, и даже Уольтер, и своенравная Лесли «Тэ-тэ», на чьём пухловатом лице интерес явно сменился на дружескую гордость.

Совсем рядом раскрываются стенды с современной литературой и вновь застрявший у них Виктор. К телу парня липнут девчонки Нильского, буквально засовывая свои острые языки в его побагровевшие уши. Стюарта с Фриманом не видно.

Джин резко останавливается.

– Я расплатиться забыла, – в её голосе снова проскальзывает паника. Я непонимающе хмурюсь. – Ну, тому комиксисту. За комикс.

Наши руки всё ещё сцеплены.

Я чувствую, как Джин начинает дрожать.

– Он тебе его подарил, – спокойно говорю я.

Девчонка удивлённо вскидывает брови.

– Мне мама должна позвонить, – начинает тараторить она. – У меня рюкзак на биологии, и телефон – там же...

Я дёргаю её за лямку рюкзака.

– А, точно, – нервно усмехается девчонка, но не двигается с места.

Меня начинает окликать шайка Нильского.

Я чуть наклоняюсь к лицу Джин и притягиваю её к себе.

Издаликрайне гордящимся взглядом смотрит «Тэ-тэ».

– Всё нормально, – вкрадчиво шепчу я. – Заберём у Виктора сигареты и пойдём, хорошо?

Я отстраняюсь.

Джин сомнительно улыбается.

Девчонки из Нильского уже тянут ко мне свои худощавые руки, но тут же, завидев Бэттерс, отрывают их. На их лицах – непонимание и отвращение. Они сразу же надевают счастливые маски, но забывают выплакать из своих глаз злость.

– Я купил уже штук пять, – Полански радостно трясёт своим набитым рюкзаком. – Видели антикварный стенд? Там даже рукописи есть.

Я лишь усмехаюсь.

Джин продолжает держаться за рукав моей толстовки.

– Ты чего такая расстроенная? – Виктор садится на корточки перед моей спутницей. – Прэзар твои сигареты спёр?

Девчонка прыскает.

– Господи, встань, – язвит она. – Я не такая низкая.

– Это я высокий, – Полански ухмыляется, но всё же встаёт.

Джин приходится задрать голову, чтобы продолжить диалог.

Виктор и вправду был выше неё почти на полный фут.

Девчонки с Нильского о чём-то шепчутся между собой, но, заметив мой проскользнувший неодобрительный взгляд, растягивают свои белозубые оскалы. Бэттерс начинает о чём-то оживлённо спорить с Полански, и нервность совсем испаряется из её голоса.

Её ладонь всё также теребит мой рукав.

– Коул собирался забрать у тебя сиги, – Джин ухмыляется. – Мы только за этим и пришли.

Виктор возмущённо щурится и вздыхает.

Джин прыскает.

– Обокрасть меня решили? – Полански выуживает пачку «Бонда». – На старости лет?

Коул, малыш, я был о тебе лучшего мнения.

Я осматриваюсь по сторонам, по-шпионски забираю парочку сигарет, быстро сую их в брюшной карман своей толстовки и, как ни в чём не бывало, строю из себя идиота.

Девчонки Нильского загадочно улыбаются нам.

– Коул, не хочешь покурить? – предлагает большеротая Виктуар Брукс. – Прямо сейчас.

В том сломанном туалете.

Ладонь Джин вцепляется в моё запястье и прячется в рукаве.

Я обвожу взглядом потолок и задумчиво потираю подбородок свободной рукой.

Девчонки Нильского выжидающе смотрят на меня, а я избегаю их нетерпение. Моё лицо корчится в изумлении, словно в голову пришла какая-то дельная мысль, и я опускаю взгляд, провозглашая:

– Простите. Сигареты только две.

– Хватит на пятерых, – продолжает та.

Брукс и Дрейк слащаво улыбаются, не взяв в расчёты то ли Виктора, отстрелявшего нам сигареты, то ли кого-то из себя. Только Рейчел понимает их математическую ошибку и стыдливо отводит взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.